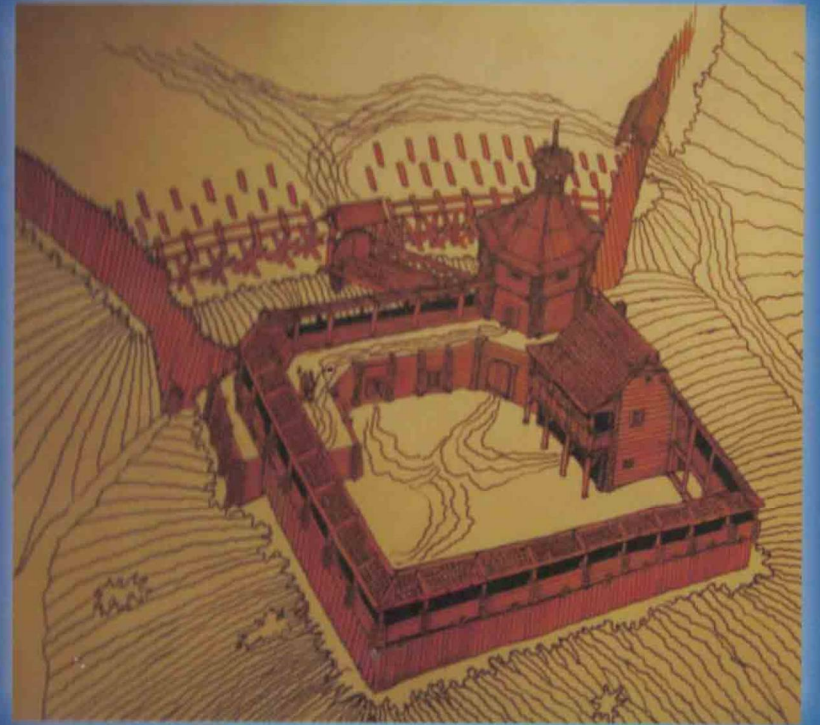

ЛИВНЫ ИЗНАЧАЛЬНЫЕ

Юрий Бондарев

Юрий Бондарев

ЛИВНЫ
изначальные

Автор благодарит за материальную поддержку в издании книги известного ливенского бизнесмена Деменина Николая Федоровича.

Автор признателен Бондаревой Л.В. за техническую помощь в подготовке рукописи к печати.

Бондарев Ю.И.

Ливны изначальные

Орел.: Издательство «Картуш», 2009. – 136 с.

ISBN 978-5-9708-0190-1

В книге сделана попытка всесторонне исследовать вопрос о дате основания города Ливны и происхождении самого топонима Ливны. Книга содержит очерк «Человек нового времени» об известном ливенском предпринимателе Деменине Н.Ф. Адресована широкому кругу читателей.

На обложке использован рисунок: Центральный замок Ключевского поселения. Древняя Ливна. Реконструкция Неделина В.М.

ISBN 978-5-9708-0190-1

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО ПФ «Картуш»

г. Орел, ул. Васильевская, 138.

Тел. (4862) 74-11-48, тел./факс (4862) 74-11-52.

www.kartush-orel.ru, e-mail: kartush@orel.ru

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

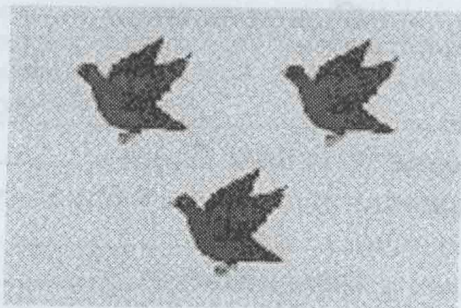
Подписано в печать 22.10.2009г. Формат 60x80 1/16

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,5.

Тираж 70 экз. Заказ № 551.

Содержание

Предисловие	4
Происхождение топонима Ливны	7
Основные понятия и подходы к определению даты основания города	15
Ливны старые и Ливны новые	21
Ахматовы слободы и Ливны.	37
Заселение верхнего течения Дона в 11-13 веках и место Ливен в этом процессе	55
Ливны в 16-17-м веках. Вклад Ливен в расширение российского государства и обороны его южных границ	67
Воеводы на Ливнах в 16-м веке	88
Савосичев и другие о древности Ливен, или почему, по их мнению, нельзя признать существование Ливен в 12-м веке	97
Заключение	108
Литература.....	110
Человек нового времени.....	112

Предисловие

Вопрос о древности Ливен обсуждается уже на протяжении более двух веков и до завершения дискуссии на эту тему, видимо, еще далеко. Более того, однозначного ответа на этот вопрос нет и быть не может, учитывая, что речь идет о 12-м веке, и подлинных письменных документов из которого с происхождением на территории нынешней России не существует в природе. Сохранившиеся же древние летописи написаны несколько веков спустя после обсуждаемых событий. А весь существующий «наш древний летописный свод есть компиляция, составленная из компиляций» (28, с.49). И такой источник по своей природе не может быть неопровержимым для доказательства достоверности возникновения того или иного исторического факта, а тем более конкретной даты образования того или иного поселения, города масштаба древних Ливен. Поэтому, на мой взгляд, суждения, высказываемые по поводу древности Ливен на основании упоминания о Ливнах в древних летописях, а их не так много, зависят от позиции исследователя. Эти сообщения о Ливнах в летописях можно толковать и в пользу древности Ливен, а можно доказывать, что они недостоверны.

Однако на одних письменных источниках, особенно

в случае с Ливнами, основываться нельзя. Важным аргументом в этом случае становятся данные археологических изысканий. Более того, результаты раскопок становятся в этом случае решающим аргументом в пользу той или иной версии о древности Ливен.

В той или иной степени вопроса существования Ливен в 12-м веке касались работы известных русских историков В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева. Напрямую впервые существование Ливен в 12-м веке пытался доказать член Ученой Орловской Архивной Комиссии Пясецкий Г.М. (31). В советское время этой проблемой занимались профессор Тихомиров М.Н., а также целая плеяда местных краеведов. Не претендуя на исчерпывающий перечень, приведу фамилии краеведов, которые в разное время пытались заниматься обоснованием даты появления города Ливны (Ливна) и происхождения топонима Ливны в наших краях. Вот эти краеведы: Агошков В., Беляев Ю.Н., Бондарев Ю.И., Булатников О.Н., Волков С.П., Ковалев Ф.В., Кожемякин А., Краснощечкова С.Д., Неделин В.М., Паршин С.Н., Рыжкин Г.В., Савосичев А.Ю., Якубсон О.Л.

Мнения краеведов на проблему даты основания, естественно, разделились. Одни утверждают, что древний город Ливна в 12-м веке существовал, другие ставят это утверждение под сомнение. Однако в позиции последних после опубликования результатов раскопок на Ключевском городище наметились изменения. От преимущественного отрицания факта существования древних Ливен в 12-м веке они перешли к констатации недостаточности имеющихся сведений для категорического утверждения о существовании древних Ливен в 12-м веке.

Ситуация неопределенности в датировке основания Ливен стала причиной того, что 24 ноября 2006 года в здании городской администрации состоялась научно-практическая конференция на тему «Проблемы современного краеведения. Новые аспекты по дате основания г. Ливны». В зале заседаний администрации были собраны, кроме участников дискуссии по сути вопроса выносившегося на конференцию, много учеников и учителей школ города. Они

составляли основную массу присутствовавших в зале. В конференции приняли участие краеведы и ученые из Ливен, Орла, Ельца, Воронежа и Белгорода. По дате основания города выступили: Бондарев Ю.И., Савосичев А.Ю. (г. Орел, Госуниверситет), вместо Краснощековой С.Д. выступил Булатников О.Н. (директор Ливенского краеведческого музея), Якубсон О.Л. (ст. научный сотрудник Ливенского краеведческого музея), А.И. Папков (к.и.н., доцент Белгородского госуниверситета), О.А. Амелькин (Воронежский госуниверситет).

В поддержку 12-го века, как времени основания древних Ливен высказался Белозерцев Евгений Петрович (доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик МСА (Москва), член-корреспондент Петровской академии (СПб)), который на чисто логическом уровне не допускал, что такие два города как Елец и Ливны, связанные между собой очень тесно и территориально и исторически, могли быть основаны в далеко разнесенные друг от друга годы. Не может быть такого, чтобы Елец существовал 860 лет, а Ливны – только 420 лет. Эту точку зрения поддержали краеведы, Бондарев Ю.И., Ковалев Ф.В., Якубсон О.Л. и некоторые другие.

Мнение другой половины участников конференции, не согласной с этим утверждением, наиболее полно высказал Савосичев А.Ю. (к.и.н., Орловский государственный университет). Конференция свелась, к сожалению, только к выступлениям участников обсуждения вопроса о древности Ливен. Никакой дискуссии по этому вопросу организаторами конференции организовано не было.

Вместе с тем, в ходе дебатов выяснилось, что официально утвержденного порядка обоснования и утверждения даты основания города в России не существует. На конференции почти единогласно без проведения дискуссии была принята резолюция, в которой было предложено без вразумительного обоснования считать 1586 год датой возникновения города Ливны. В резолюции была записана также рекомендация о проведении конкурса работ, в которых была бы

доказана более древняя дата основания города Ливны, и подвести первые итоги этого конкурса в ноябре 2008 года. (5, сс. 80-81). Однако конкурс организован не был, а вопрос о древности Ливен остается открытым.

Вот почему в этой работе мною предпринята еще одна попытка на основании старых и новых открывшихся источников рассмотреть в комплексе вопрос происхождения топонима Ливны и обосновать датировку основания нашего города в 12-м и 16-м веках.

Происхождение топонима Ливны

Жителей любого города интересует и настоящее города, и его история. Кто не помнит прошлого, не имеет будущего. Эту древнюю истину знают все. Вот почему жители многих городов стремятся установить древность своего города, понять, откуда появилось его название. Особенно это актуально для средневековых городов России. Не является исключением и наш город Ливны.

Существует много мнений о происхождении топонима «Ливны». Откуда взялось это слово, и что оно значит? Большинство краеведов ссылаются на племя ливов, жившее после 4-го века нашей эры на территории Ливенского уезда, которое впоследствии вытеснило бодрое славянское племя вятичей. Основываясь на мнении патриарха орловского краеведения Г.М.Пясецкого, многие исследователи истории города утверждают, что имя речке Ливна (ныне Ливенка), от которого произошло и название города Ливны, дали, в честь имени племени своего, ливы. Так ли это? Ведь в этом сомневался даже сам Г.М.Пясецкий, который пишет: « В числе финских племён были и Ливы, которые, быть может, сообщили название не только Оке, но и нашим речкам Ливнам, а через них и самому городу Ливнам.» (31, с.14). Быть может...

А может, имя речкам Ливнам дали вовсе и не

Смоленская область. Верхнее течение Днепра.

ливы? Как следует из имеющейся информации, дело обстоит именно так. Ученые, серьезно занимающиеся историей ливов, утверждают, что ливы всегда жили в Прибалтике и не могли находиться на территории нынешнего Ливенского района Орловской области, а тем более возникнуть здесь и потом переселиться в Прибалтику. Документальное подтверждение находит только тот факт, что племя ливов как народность сложилось на территории нынешней Латвии и никуда оттуда не переселялось. Более того, сами себя ливы ливами не называли. Так их называли другие народы. Самоназвание ливов - ливли, калами-ед («рыба-

ки»), рандалист («береговые жители»). Из этой информации следует, что не могла народность, которая даже не знала, что она имеет имя ливы (ибо это, как выясняется, - экзоэнтоним) назвать что-либо этим именем, как это преподносит Г. Пясецкий и прочие краеведы. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что никакой связи между ливами и Ливнами нет.

Но не в одних ливах дело. Через наши места, по мнению того же Г.М.Пясецкого, прошли и древние скифы, и сарматы, и ост-готы, и гунны, и авары, которые все появлялись не указано откуда, но удалялись неизменно на запад. (31, с.14). И что это были за народы, откуда? А ведь они могли обозначить свое пребывание на ливенской земле каким-то образом.

Чего стоит гипотеза о существовании в глубокой древности единого Пранарода и единого Праязыка индоевропейцев в древней Гиперборее, существовавшей около 10 тыс. лет до н.э. «Где-то между Белым морем и Финским заливом Балтики.. со столицей в городе Словенске.» (15, с.473). По этой гипотезе «Гиперборея - древнейшая цивилизация Земли - оказала решающее влияние на все последующие социокультурные процессы, положив начало как протоиндоевропейским, так и неиндоевропейским общностям и культурам.» (15, с.261), а гиперборее оставили свой след и в Европе, и в Азии, и в Египте. И это их шествие по Земле подтверждается не только гипотезой в книге Демина В.Д. «Тайны русского народа». (Москва, 1997 г.).

Католический священник архимандрит Рагузский Мавро Орбини в своём труде, написанном в 1601 году на итальянском языке под названием «Книга Историография початия имене, славы и расширения народа славянского и их Царей и Владетелей под многими именами и со многими Царствами, Королевствами и Провинциями», утверждает, что «...от славян произошли бургундцы, шведы, финны, готы, готы-аланы, даки, норманны, фраки или траки (скорее всего видоизменённое слово «турки»), венецы, померанцы (жители Померании-то есть современных Германии и Польши),

брицаны (видоизменённое название или британцев или бретонцев), авары. Плюс ещё более десятка народов, названия которых современному читателю уже ничего не говорят». (8, с. 97...99).

Что же получается? А то, что те самые племена, которые жили в разные времена на ливенской земле были на самом деле потомками древних славян, от них произошли а посему могли иметь в своем языке слова и французские, и английские и т.д. Тем более, если принять во внимание, что все языки, ныне существующие на Земле, имеют в качестве единого фундамента древний Праязык. (8, с. 490..499). И это еще раз подтверждает нам наше родное слово «Ливны».

Вспомним, что исходным для него словом было слово «Ливна». Если предположить, что слово «Ливна» произошло от Ливов, то возникло оно, если верить Г.М.Пясецкому, между 4 и 9 веками нашей эры. Но как тогда объяснить тот факт, что в Ветхом Завете в «Четвёртой книге Царств» и в «Книге Иисуса Навина» упоминается город Ливна. Смотрим на карту древней Палестины и действительно находим там населённый пункт ЛИВНА. А вот что известно о палестинской Ливне. «Ливна лежала к северу от Лахиса, т.е. миль на десять ближе к Иерусалиму, Лахис ...в уделе Иуды в низменной полосе, прилегающей к границам Едома...». (29, с. 1035). В книге Иисуса Навина «(10:29-32) Ливна – древний Ханаанский город, взятый И. Навином и отданный колену Иудину, а затем левитам, как один из городов убежища. В царствование Иорама г. Ливна вышел из под его власти (4Цар 8:22), но вскоре снова возвращен, и после того вынес осаду от Сеннахери-ма (4Цар 19:8). Ливна была отечество Иеремии, отца Хамутали, супруги благочестивого царя Иосии. По мнению Д. Стэнли, город называется белым или по геологическому составу своей почвы, или по изобилию росших здесь белых тополей». (Архимандрит Никифор, «Библейская энциклопедия», (19)).

Сейчас Ливну отождествляют в Израиле с Телль-эс-Сафийе (новоеврейский Телль-Цафит) или с Телль-Борнат (новоеврейский Телль-Бурней), расположен-

ные соответственно в 12 и 3 км северо-западнее Бейт-Гуврина (Элевферополя). Но самое интересное, на мой взгляд, состоит в том, что и в настоящее время в Израиле недалеко от Иерусалима в Иудейских горах существует поселок Ливна. В поселке живут более 100 семей. Поселок разрастается и по генеральному плану должны быть построены еще около 400 домов. Жители поселка - выходцы из стран Восточной Европы, Аргентины, Бразилии, США, Франции, Индии и Марокко. До 60% семей - выходцы из Украины и России. В нем живет 3 профессора и 17 докторов наук, переехавших сюда из СССР. Среди них: химики, физики, геологи, биологи, врачи, педагоги, строители, офицеры ЦАХАЛа и др. (19).

Выходит, что слово «Ливна», именно в такой транскрипции, существовало на Земле, по крайней мере, более чем за тысячу лет до предполагаемого его возникновения в наших краях! Как это можно объяснить? Ведь это были времена, когда то или иное слово нельзя было просто прочесть в газете или другом письменном источнике и использовать его в другое время и в другом месте. Объяснением этому может быть то, что в рамках упоминавшегося нами Праязыка это слово, или однокоренное слово, выражало что-то очень общее и значительное для людей, как это присуще, например, русскому слову «молоко» («млеко»), которое «имеет общую генетическую основу со множеством языков древних и современных народов, разбросанных по материкам Евразии, Африки и Америки». (15, с. 497).

Возможен и другой вариант, при котором слово «Ливна» сохранилось в преданиях, передававшихся из рода в род у племен и народностей, чья судьба бросала по Евразии, в том числе и в Палестину, где они узнали это слово, «Ливна», и оно, по каким-то причинам, врезалось в родовую память, а затем было использовано на нашей земле. Подтверждением этому являются новые исследования. Макаренко утверждает, что «... Изначально древняя Русь располагалась на Ближнем Востоке» (25, с. 56.) , что «... Русский народ пришел в междуречье Днепра и Дона сравнительно недавно – лишь в 7 - 8 вв... ис-

тория Руси началась на территории Ближнего Востока одновременно с этногенезом других современных народов» (25, с. 107), что оттуда славяне и русы в силу объективных обстоятельств мигрировали на территорию нынешней Европы. «Ареал распространения славян и русичей не ограничился Причерноморьем и землями Прикаспия. Они пошли дальше и освоили бассейны нынешних Вислы, Днепра, Волги, Дуная, куда также перенесли свои топонимы «Самара», «Киев», «Москва», «Тверь», «Варшава», «Львов» и т.д.» (в т. ч. топоним ЛИВНА был перенесен под копируку из Палестины в наши места – Ю.Б.). (25, с. 99). Нельзя «...считать систему топонимов северо-востока России простым совпадением названий или случайной омонимией с топонимами Ближнего Востока. Это сознательный перенос сакральных названий ближневосточных городов и других географических объектов в новый район расселения русского и славянского этносов». (25, с. 199). Вариант переноса слова Ливна из Палестины в известной степени представляется возможным и благодаря изысканиям других ученых. Так Махотин Б.А. утверждает, что «Наиболее древними славянскими речными названиями считаются те, в которых присутствуют суффиксы -н-, -ица-. На территории области (Смоленской – Ю.Б.) это Дубна, Колодня, Ливна, Лосня, Лужня, Плавня (бассейн Днепра)». (19). Он же утверждает, что «наши предки славяне, занимавшие до конца первого тысячелетия до н. э. земли между средним течением Днепра и Западным Бугом, в IV веке н. э. по речным путям распространяются далеко на север и восток». А отсюда следует, что возникшее первоначально в бассейне Днепра название реки Ливна, которое существует и по сей день в Смоленской области, было перенесено странствующими славянами в наши края. За эту версию говорит и то, что в соседней Рязанской области есть река Проня, которая упоминается в летописи вместе с рекой Ливна. А такое же название носит река в бассейне Днепра. Можно предположить, что и название Ливна и название Проня перенесли на восток переселенцы из бассейна Днепра в 4-ом веке. Эти переселенцы и были первыми славянами на тер-

ритории нынешнего Ливенского района. Другое дело, откуда взялись эти славяне на Днестре. Может они и были теми переселенцами из Палестины, о которых говорит Макаренко. (25).

Еще одно подтверждение возможности существования такого варианта дали раскопки в районе с. Ксизово на Дону в Задонском районе Липецкой области, где было обнаружено погребение воинов и ремесленников варварского племени гуннов. А потом и захоронение, которое относится к пятому веку и принадлежит мужчине из племени готов, бывших к тому времени уже были христианами. Прежде считалось, что готов в наших краях не было. Однако липецкая находка говорит об обратном! И гунны, и готы жили приблизительно в третьем-шестом веках и среди них были выходцы из Палестины.

Гунны постепенно перекочевали на запад и не исключено, что на своем пути они встретили безымянную тогда реку, которую называли Ливна в память о древнем палестинском городе Ливна. Возможно, перемещаясь дальше на запад, они увидели, что привлекающая их внимание река разделяется на две речушки, одну из которых стали именовать Ливна Полевая, а другую - Ливна Лесная.

Но это не исключает иного варианта происхождения топонима Ливна. Так в статье В. Агошкова приводятся сведения о том, что в Холмской Руси существовали реки Лив и Ливец (1). А вообще на современном атласе мира можно найти более десятка слов с корнем «лив». Это река Ливна – левый приток реки Волость (левый приток Днепра, Смоленская область). Ливна Орловская и Ливна Смоленская расположены друг от друга на расстоянии всего около 300 км, село Ливенка в Самарской области, слобода Ливенск, ранее бывшая городом, в Воронежской области, г. Ливно в Боснии и т. д. В этом ряду и слово «Ливна», ибо имеет один с ними корень – «лив». (1). А теперь, если принять гипотезу, что от славян, проживавших в древности на территории нынешней России, произошли и англичане, поищем подобное исследуемому топониму слово в английском языке. И мы его легко находим - live в транскрипции- (liv) – то же

самое, что корень слова ЛИВНЫ - (лив). А слово это означает - жить, живой - в переводе на русский. Оно является фундаментальным для любого народа, для любого языка, ибо относится к описанию, обозначению самого существования человека. Поэтому, на мой взгляд, можно согласиться с мнением В. Агошкова, «...что орловские Лесная Ливна и Полевая Ливна («н» как суффикс) тоже имели на первом этапе глубокое значение: жизнь!» (1), так как это связано не только с тем, что реки давали людям, да и не им одним, жизнь, но и с тем, что корень этого слова тоже означает «жить». Интересно, что в иудейском языке существует женское имя Ливна (белая).

Однако есть и другие значения слова *Лива*. Гладиллин Е.А. в своей электронной книге «Славяне» приводит следующие значения этого слова:

Лива - (Ливия), вообще южная страна, в частности - степь Африканская.

Лива - юг, южный, юго-западный ветер.

Оба эти значения связаны с югом, южным расположением чего-то. Такое значение вполне корреспондируется с тем фактом, что река Ливна в 11-12-ом веках располагалась на юге Рязанского княжества, была южным краем, которого достигли в то время проникавшие с севера на юг по течению Дона рязанцы. Поэтому и получила, возможно, поавшаяся им на пути речка имя Ливна - южная, юг.

Но существует, на мой взгляд, и более простое и естественное объяснение происхождения топонима ЛИВНЫ, если обратиться к церковно-славянскому, или старо-славянскому, языку. Этим языком пользовались наши предки в полной мере со дня Крещения Руси до половины 18-го века. (29). Так вот, в этом языке существует слово «ЛИВА», что означает - «...любящая влага, река» (29, с.282). Значит Ливна - это, попросту, река! По-нашему, по-славянски! И это идеально соотносится с уже упомянутыми названиями рек в Холмской Руси, является одним из вариантов использования слова ЛИВА для названия реки. А появиться это слово в наших местах могло не ранее 5-го века.

При всём при этом совершенно непостижимым фак-

том остаётся то, что слово ЛИВНА, исходное для Ливны (Ливна Полевая и Ливна Лесная, а вместе две-Ливны) является словом, веками существовавшим в книге книг - Библии. Не так много городов на Земле могут найти своё имя в Библии!

Основные понятия и подходы к определению даты основания города

Жители многих городов стремятся установить древность своего города. Особенно это характерно для древнерусских городов. Недавним ярким событием в череде попыток определения времени основания города стало празднование 1000-летия Казани. Споры о дате основания города Казань продолжались более ста лет. На самом деле до недавнего времени существовало несколько дат основания этого города, причем весьма почтенных. Так, в русских летописях Казань впервые была упомянута в 1391-м году. В Народной Энциклопедии городов и регионов России «Мой город» четко указано, что дата ее основания - 1177 год. А теперь утверждён год основания города Казань 1005-й. В этой процедуре участвовали специалисты из 21 страны мира. Выводы ученых основывались в основном на анализе археологических находок, найденных при раскопках на территории города, их возрасте. Специалисты методом математического расчета выявили окончательную дату: 1005 год. Но сами по себе уникальные находки еще не означали, что уже тогда это был город, они говорили о поселении. А чтобы доказать, что это был именно город, производились другие исследования. В результате был обнаружен ров, обеспечивающий безопасность города, деревянный частокол, кирпичные стены. А самое главное, были обнаружены признаки существования ремесел. Уже тогда далекие предки нынешних казанцев работали по металлу и коже, создавали керамические изделия. В итоге несколько институ-

тов отделения истории Российской академии наук признали, что в процессе определения даты основания города Казань была открыта новая методика датировки древнейших городов.

Однако и эта дата и даты основания других древних городов в своем подавляющем большинстве условны. Точное время основания городов в восточнославянских княжествах достоверно, чаще всего, определить нельзя. Можно говорить лишь о первом упоминании или о какой-то условной дате, определенной путем анализа всей совокупности имеющихся источников и фактов, имеющих непосредственное отношение к дате основания города. И такая дата может быть утверждена местными органами самоуправления. Так рабочая группа по работе над проектом устава городского округа город Рыбинск приняла решение о внесении в устав специальной статьи о дате основания города. Ею решено сделать 1071 год. Таким образом, Рыбинску, который отметил 500-летие Рыбной слободы, будет приписано еще 430 лет. И таких примеров много. Соседний с нами Елец исчисляет время своего существования с 1146 года. А ведь до сих пор упомянутый этой датой в летописях город Елец так и не найден. И не доказано его существование в 12-м веке. На основе обширных археологических изысканий ельчане пришли к выводу, что «Отрицая сам факт существования Ельца в 12-ом веке, тем не менее полагаем, что его истоки все же уходят корнями в 12-й век, о чем свидетельствуют археологические данные». (35, с. 82). И только на основании того, «что его истоки все же уходят корнями в 12-й век» ельчане спокойно празднуют, и уже давно, дату основания города, принимая за нее 1146 год. Из сложившейся в России практики, видимо, следует исходить при определении даты основания и нашего города.

Ряд исследователей в вопросе определения даты основания города ссылаются на работу липецкого ученого Водарского, который занимался определением даты основания города Липецка, и в связи с этим высказал свое мнение о методике определения даты основания населенного пункта вообще и города в

частности. Некоторые положения этой работы, на которые ссылаются критики даты основания города Ливны в 12-м веке, приведены ниже.

«Основание города Липецка есть частный случай основания городов, а это, в свою очередь, является частным случаем основания (или возникновения) населенных пунктов вообще. Поэтому необходимо рассмотреть теоретические и методические принципы научного подхода к решению проблемы в целом, а для этого прежде всего выяснить, что такое город и вообще населенный пункт. Конечно, в рамках статьи это можно будет сделать лишь в общих чертах и применительно только к России.

Населенный пункт есть сочетание (совокупность) части населения, организованного в общественную (административную) единицу, и территории, на которой эта часть населения проживает постоянно, т.е. на которой сменяются поколения. Поскольку население данного пункта является частью общества (всего населения страны или ряда стран), постольку населенный пункт — это ячейка общества (т.е. социальная ячейка). (Здесь и далее в тексте подчеркивание текста автора). И как ячейка общества, он изменяется со всем обществом и обладает качествами, характерными для общества данной страны (или ряда стран) на данном этапе его истории.

Как ячейки общества, населенные пункты могут возникать, развиваться (т.е. приобретать новые функции), деградировать (т.е. терять функции) и прекращать свое существование. Возникать они могут стихийно или по решению властей (добровольно или принудительно). Существование населенного пункта прекращается после гибели его населения, или если оно расселяется по другим населенным пунктам (добровольно или принудительно), и данная ячейка общества перестает существовать. Занимаемая ею территория в данном случае имеет второстепенное значение, так как население может перенести населенный пункт на новое место, сохранив себя как ячейку общества (известны случаи переноса деревень и городов на новое место). Но если эта ячейка прекратит свое существование именно как ячейка общества,

то даже если на том самом месте, где был данный населенный пункт, возникает новый – это будет новая ячейка, ничего не имеющая общего с предыдущей, кроме места, т.е. это будет новый населенный пункт, никак не связанный с тем, который был раньше на этом же месте». (11, С.80-81).

Сразу отметим, что большинство ученых с таким определением населенного пункта не согласны. Вот что говорится по этому вопросу в словаре в Интернете и Большой Советской энциклопедии.

Населённый пункт – населённое место (поселение), первичная единица расселения людей в пределах одного застроенного земельного участка (город, посёлок городского типа, село и пр.). Обязательный признак населённого пункта – постоянство использования его как места обитания из года в год (хотя бы сезонно). (19). Населенное место – категория географии населения. (7). География населения отрасль, изучающая состав и размещение населения и населенных пунктов. (6).

Мы видим, что ни о какой социальной общности в этих определениях речь не идет и введен этот признак населенного пункта самим Водарским и еще некоторыми специалистами. Так что это положение является, мягко говоря, спорным.

Далее Водарский в своей работе говорит: «Попытаемся теперь кратко сформулировать основные принципы определения времени и места основания городов и вообще населенных пунктов».

1. Датой основания (возникновения) города могут считаться две даты: дата основания или возникновения его как населенного пункта, и дата его учреждения как города, т.е. получения им от правительства юридического статуса города в форме законодательного акта или путем создания или утверждения населенном пункте сословных общин посадских людей, купцов и мещан.

2. При отсутствии прямого указания даты возникновения города как населенного пункта, ею может считаться наиболее раннее упоминание о нем в письменных источниках или наиболее ранние археологические свидетельства о его существовании как

населенного пункта и – при наличии определенных признаков – как города.

3. Дата возникновения древнего города как населенного пункта может считаться датой возникновения ныне существующего города (населенного пункта) только при условии доказанности его непрерывного существования от древности до наших дней.

4. Ликвидация города как населенного пункта, т.е. как социальной ячейки, гибель или уход его населения, запустение занимаемой площади означает прекращение его существования. Основание на этой запустевшей площади нового города (населенного пункта) не означает возрождение прежнего города как населенного пункта, даже если ему будет дано прежнее название: это будет новый населенный пункт, новая социальная ячейка. Поэтому дата основания прежнего города не может считаться датой основания нового населенного пункта.

5. Переход населения города (населенного пункта) как социальной ячейки на новое место означает перенос и сохранение города (населенного пункта).

6. Основание нового города (населенного пункта) рядом с уже существующим городом (населенным пунктом) или даже на части занимаемой последним площади и их последующее слияние еще не означает, что датой основания нового города (населенного пункта) должна считаться дата основания уже существующего города (населенного пункта), так как это зависит от того, был ли новый город (населенный пункт) основан как новая социальная ячейка или как часть существующей. Если это была новая социальная ячейка, то решение вопроса, в свою очередь, зависит от того, какая из этих ячеек оказалась доминирующей и поглотила соседнюю (пример Петербурга, Одессы, Севастополя).

7. При объединении нескольких населенных пунктов и предоставлении объединенному населенному пункту статуса города датой основания этого города является дата предоставления ему городского статуса». (11, С.105.-107).

Конечно, на основе этих принципов датой основания нынешних Ливен нельзя считать дату основания

древнего города Ливна. Однако давайте посмотрим как на практике жители российских городов, история которых берет начало в средних веках, определяют возраст своих городов. Возьмем пример наших соседей.

Орел. Жители Орла считают, что их город основан в 1566 году и от этой даты исчисляют его возраст. Соотносится ли эта дата с принципом непрерывности существования населенного пункта. Обратимся к известному орловскому краеведу Г. Пясецкому. «В 1616 году литовцы опять опустошили Орловский уезд... После этого нападения город Орел пришел уже в окончательное запустение. Москва перестала посылать в него своих воевод; служилые люди Орловского уезда обязаны были являться на службу в город Мценск, к которому поэтому был приписан и весь Орловский уезд..»

Город Орел лежал в развалинах ровно двадцать лет... в 1636 году ... В числе вновь построенных теперь на Украине крепостей восстановлен был и город Орел». (30, с. 64 - 66) Судя по этим данным, Орел с 1616 по 1636 год не был заселен и не являлся населенным пунктом в строгом соответствии с определением понятия «населенный пункт». А значит, датой основания современного Орла (по Водарскому) следует считать 1636 год, а не 1566 год, как это принято сейчас.

То же относится и к *Ельцу*, который неоднократно прекращал свое существование и возрождался вновь, меняя свое местоположения в пределах ограниченной территории. Во всяком случае, в летописных источниках Елец последний раз упоминался в 1414-1415 году, после чего он не существовал, и вновь был отстроен только в 1592 году и не точно на том месте, на котором он возник в 12-м веке. Этот, 1592, год (по Водарскому) и следует считать датой основания сегодняшнего Ельца, а не 1146 год. (35, с. 27, с. 31.)

Такие периоды прекращения существования древних городов на Руси можно найти еще не одно. Однако нынешние города, носящие имена древнерусских городов, на практике исчисляют свою историю

от дат основания тех, древних городов, которые дали имя современным городам, не принимая во внимание периоды своего вынужденного небытия.

Поэтому можно констатировать, что на практике, в своем большинстве, нынешние города, носящие названия древнерусских городов, датой своего основания считают дату первого основания города. И определяющим для этого является имя древнего города и район географического расположения того древнего города, а не то, с какого времени месторасположение города определилось окончательно, а его существование как социальной общности стало непрерывным.

Ливны старые и Ливны новые

Говоря о дате основания города Ливны, можно разделить понятие о городе Ливны на два разновременных понятия.

1. Город Ливна, основанный в конце 12-го века на реке Ливна (Ключевское городище) и исчезнувший, как поселение, в конце 13-го века.

2. Город Ливны, основанный в конце 16-го века на реке Сосне при впадении в нее реки Ливны-Ливенки и существующий по сей день.

Благодаря нашим краеведам и, в первую очередь, Краснощёковой С.Д. и Булатникову О.Н., организовавшим раскопки на Ключевском городище, мы можем с уверенностью говорить, что на месте раскопок в 12-13 веках существовал древний город. Напомним, что при определении возраста Казани именно археологические изыскания стали основой для определения возраста города, а не письменные источники. Булатников О.Н. осторожно говорит: «...можно предполагать, что Ключевское городище у места слияния Ливны Полевой и Ливны Лесной могло быть городом Ливны» (9, с. 90) Но почему могло быть? - Так оно и было!

Какие же высказываются сомнения? Главное такое, что раскопки на месте возведения построек 16-го века в нынешних Ливнах могут подтвердить существование и на этом месте города, основанного в 12-ом веке при впадении Ливенки в Сосну. Но давайте немного порассуждаем. Мог ли в 12-м веке возникнуть еще один город рядом с уже существовавшим городом? - Вряд ли! А, значит, вряд ли можно обнаружить на расстоянии 7...8 километров от уже найденного древнего города ещё один город, существовавший одновременно с Ключевским городищем, да еще и на необжитой окраине Руси. Мы и сейчас, в 21-м веке, скорее всего, не сможем найти два города, возникших в более близких к нам 17-18 веках, на расстоянии 7...8 километров друг от друга. Выходит, что никакого другого города на речках Ливнах, кроме того, который обнаружен при упомянутых раскопках, в 12-м веке и не существовало. Об этом городе, видимо, писал Г.М.Пясецкий: «По дороге к городу Ефремов, в пяти верстах от Ливен, ниже соединения Лесной и Полевой Ливенок, на берегах видны остатки старинных укреплений» (31, с.36). Хотя и не исключено, что на месте нынешних Ливен было какое-то поселение, подобное тем, которые были обнаружены невдалеке от Ключевского городища.

Поистине уникальной находкой для получения ответа на вопрос о дате основания древней Ливны и ее месте нахождения является запись в Пискаревском летописце, касающаяся и Ливен тоже. Приведем этот фрагмент летописи.

«О метеже на Москве. Того же го[ду] 92-го (1584 - Ю.Б.)... великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси великим хотением и желанием разпространяет Рускую землю, аки древний сродник его великий князь Владимир, крестившу Рускую землю святым крещением: приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичю Годунову да дьяку ближнему своему Андрею Щелкалову города ставити на поле и в Сивере, и к Астарахани, которая за много лет запустевша от безбожных агарян и от междусобных брани: елецких князей вотчина Лив-

на, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Манастырев и иныя многия польския и сиверския». (Пискаревский летописец, лл.586 - 587).

Что же можно узнать об истории Ливен из этой записи?

*Фёдор I Иванович 1557-1598
Русский Царь в 1584-1598*

1. Город, существовавший недалеко от современных Ливен, в древности назывался Ливна, которая существовала до основания нынешних Ливен. За это говорит то, что в пределах Елецкого и Рязанского княжеств не было другого населенного пункта с похожим названием. В «Разрядной книге. 1475 - 1598 г.г.». (М., 1966 г.) есть записи о назначении воевод в городах России. Так вот в этих записях о назначении воевод в Ливнах город наш до 1588 г. именовался только словом Ливна, с 1588 по 1594 - то словом

Ливна, то словом Ливны, и только с 1594 года город начал именоваться его нынешним именем постоянно в официальных, подчеркнем, документах. Так что изначально Ливны назывались именем Ливна.

2. Ливна в древности была городом. Ибо в летописи мы читаем: «...города ставити на поле и в Сивере, и к Астрахани, которая за много лет запустевша от безбожных агарян и от междусобных брани: елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Манастырев и иныя многия польския и сиверския». То есть «...города...», которая запустевша... собирался царь восстанавливать. Значит в 16-ом веке Ливну, существовавшую до разоре-

ния его агарянами, считали городом. Основные признаки города: крепостной вал и стена, наличие ремесел по обработке и литью металлов, обнаружены были и при раскопках на Ключевском городище.

3. Древняя Ливна была разрушена агарянами. Кто такие агаряне? В Малом энциклопедический словаре Брокгауза и Ефрона в столбце 36 мы находим следующее определение: «АГАРЯНЕ – потомки Измаила, измаильтяне; в русских народных сказках и у писателей 18-го века – турки, мусульмане». (26) Т.е. Ливну разрушили мусульмане, татары во времена их ига над Русью.

4. Вместе с тем Ливна определяется как «елецких князей вотчина», т.е. город принадлежал князьям Елецким.

5. Вышеизложенные выводы позволяют локализовать время возникновения древнего города Ливна. Она была вотчиной Елецких князей, которые известны с 1146 года. В конце XII века Елецкая земля входила в состав великого княжества Рязанского. Елецкие земли были в XIII-XIV веках крайними в юго-восточных пределах Руси. Они простирались примерно до реки Большой Вороны и слияния Воронежа и Дона. По своим размерам Елецкое княжество равнялось размерам современной Голландии или Бельгии. В то же время первое столкновение русских и татарских войск, положившее начало регулярным набегам татар на Русь, произошло на Калке в 1223 году. Вряд ли после этого чувствительного поражения русских на окраине княжеских земель строились города. Поэтому с достаточной долей вероятности можно считать, что древняя Ливна была основана в период с 1146 года по 1223 год.

6. Используя дополнительные данные и рассуждения, можно попытаться более точно установить вероятный год основания Ливен. Можно использовать чисто арифметический подход, считать вероятным годом основания Ливны середину временного промежутка между 1146 и 1223 годом. В результате простых вычислений мы получим как год основания Ливны 1185 год. Теперь можно привлечь сюда непризнанные до сих пор записи родословной Рязанских князей. «А у

князя Глеба Ростиславича Резанского (внука Ярослава Святославича, правнука Святослава Ярославича, умершего в 1177 году) дети:

Князь Роман Резанский бездетной на Ливнах, и на Воронеже был же.

Князь Игорь на Резани, на Ливнах, и на Воронеже.

Князь Владимир на Резани, на Ливнах и на Воронеже.

Князь Всеволод на Резани, на Ливнах и на Воронеже.

Князь Святослав на Резани, на Ливнах и на Воронеже.

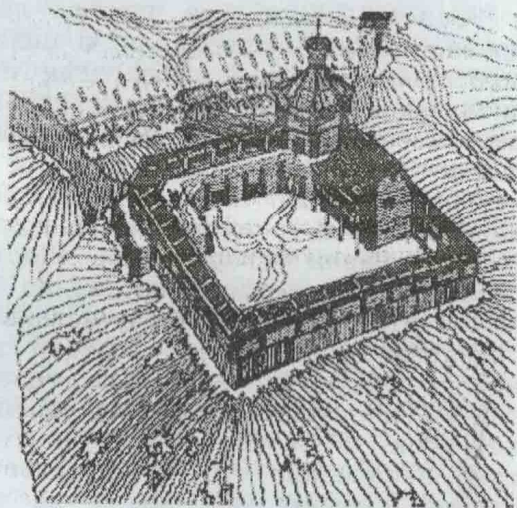
Глебовы дети Ростиславича Резанского, Всеволода Святослав, сели на Ливнах, на Прони, и от них пошли Пронские князья.» (31, с. 21 – 22).

Упоминание конкретного листа книги, в которой эту запись видели, говорит о том, что книга эта существовала, хотя потом и была утрачена и её видел своими глазами, по крайней мере, Зверев. Поэтому нет оснований не верить информации Пясецкого и Зверева. Ведь все другие летописи об истории древней Руси дошли до нас в списках, нет ни одного подлинника. И все верят этим спискам, т.е. переписчикам, которые написали дошедшие до нас списки летописей. Так почему мы не должны верить переписчикам Звереву или Пясецкому и требовать наличие первоисточников? Почему мы не требуем подобных первоисточников, скажем, от Нестора, о котором даже Н.М. Карамзин говорил, что «Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда неверного в подробностях?» (20, с.71), или переписчиков Радзивилловской летописи, а просто верим тому, что они добросовестно переписали то, что им посчастливилось видеть своими глазами. Не имеем мы права отказывать в таком же доверии и Звереву и Пясецкому, тем более, что лукавить по поводу истории Ливен ни у них, ни у кого-либо другого, стимула не было. Сведения о Ливнах не могли и не могут перевернуть историю России и царствовавших династий, не могли повлиять

на распределение власти на Руси, а ведь только эта причина вызвала появление недобросовестных исторических документов.

В другой родословной Рязанских князей есть такие сведения: «В 1179 году, июля 31, Рязанский Князь Глеб, в плену скончался во Владимире; после него остались пять сынов: Роман, Игорь, Владимир, Всеволод и Святослав, из которых первые трое княжили в Рязани, а последние в Пронске» (34, с. 9-10). «Князья Пронские имели свое происхождение от Великих Князей Рязанских, нам начало Пронского княжества неизвестно, кроме, что в 1186 году, Глеба Ростиславича Рязанского дети, разделив между собой область Рязанскую, Всеволод и Святослав начали княжить в Пронске; с этого только времени, Пронское княжество в первый раз упоминается в наших летописях». ((34) с. 22).

Из этих сведений следует, что дележ Рязанского княжества произошел в 1186 году и «с этого только времени, Пронское княжество в первый раз упоминается в наших летописях». И в то же время: «... Глебовы дети Ростиславича Рязанского, Всеволод да Святослав, сели на Ливнах, на Прони, и от них пошли Пронские князья.» (31, с. 22) Получается, что Рязанские князья Всеволод и Святослав сели, обосновались, основали поселение — город на речках Ливнах в 1186 году, не позже.

12-13-й вв. Центральный замок
Ключевского поселения.

Древняя Ливна.

Реконструкция Неделина В.М.

Надо иметь в виду, что в сборнике, цитируемом Пясецким, когда писалось «...на Ливнах и на Воронеже» имелись в виду реки, а не города, ибо «...сели на Ливнах, на Прони», а не Пронске, если бы речь шла о городе. Хотя Пронск в это время уже существовал. Не исключено, что и Ливны в это время существовали. А вот Воронеж упоминается здесь как река, что доказал Загоровский В.П. в своей книге (18), ибо города Воронежа в 12 веке на его нынешнем месте не существовало. Однако существовал другой, летописный Воронеж, о котором упоминается в связи с нашествием татар. И возможно о нем шла речь в родословной рязанских князей.

Следует отметить и то, что во всех упоминаниях о древнем городе Ливны он связывается с рекой Ливной. А это говорит о том, что древний город Ливна стоял на реке Ливна, а не на Сосне, и это еще раз подтверждает то, что Ключевское городище и есть древний город Ливна.

Интересно мнение по этому поводу известного орловского краеведа Неделина. Вот что он говорит о Ливнах 12-го века: «Надо полагать, что город (Ливна — Ю.Б.) XII—XIII вв. находился несколько выше по течению р. Ливенки.. Следует заметить, что подобное расположение городков не на мысу при слиянии двух рек, а несколько выше по течению малой реки вообще характерно для юго-восточной степной окраины Рязанского княжества («Голубое» городище в Михайлове). Особенно это типично для Пососенья (бассейна р. Сосны), где почти все городки располагались либо в нескольких сотнях метров, либо в нескольких километрах от устья реки (городища Городецкое, Ключевка, возможно Ливны, Воргольское, Паженьское, Елец). Памятником этого времени в окрестностях Ливен является городище Ключевка, расположенное в 5 км выше современного города на речке Ливенке. Оно достаточно типично для своего времени. Ключевское городище располагается на высоком плато при впадении в р. Ливенку двух оврагов. С напольной стороны его ограждает серповидный в плане земляной вал с боковым заездом. К городищу прилегалo обширное селище площадью в несколько

гектаров. Тем не менее, вышеупомянутое городище не могло быть центром Ливенского удела, главным образом из-за слишком небольших размеров укрепленного ядра – всего 0,5 га. Вероятнее всего, оно являлось укрепленной загородной княжеской или боярской резиденцией». (27, с.82).

С последними утверждениями Неделина о том, что Ключевское городище было всего лишь замком, а не городом трудно согласиться. Дело в том, что вокруг загородной резиденции не было смысла в строительстве и существовании селищ с полным набором культивировавшихся в них ремесел. Тем более, что, по мнению некоторых исследователей, сам посад и является первоначальным городом. Вот точка зрения по этому поводу Даркевича: «Замковая теория не учитывает динамики планировочного развития городских центров на протяжении X - XIII веков. Общепринятая схема - княжеско-дружинный детинец (кремль, кром) и примыкавший к нему торгово-ремесленный посад - слишком часто не отвечает археологическим показателям. Первый пояс укреплений окружал не обязательно аристократический детинец, а скорее древнюю часть поселения, его ядро. Одна из причин заблуждения - слабая археологическая изученность «посадских» частей городов, раскопки малыми площадями». (14, с.49).

А наличие укрепленного вала вокруг Ключевского посада подтверждает, правда с некоторыми оговорками, и Краснощекова С.Д. Вот что она констатирует на основе проведенных ею раскопок на Ключевском городище: «Возможно, свою, весьма слабую линию укреплений - мелкий ров, частокол или «столпие», имел и посад (городища Ключевка - Ю.В.). Целью ее сооружения являлась необходимость помешать неприятелю «изгоном», внезапно, захватить поселение и дать возможность населению укрыться в детинце. Наличие подобной линии укреплений было весьма актуально для пограничного степного городка, ввиду постоянной опасности набегов. Никаких видимых следов ее на поверхности не осталось, вероятно, она была позднее распахана в процессе сельскохозяйственных работ». (24, с.187). И если теперь вернуться к

размерам города на Ключовке, то можно сказать, что он занимал площадь в несколько гектар, и размеры города нельзя сводить к размерам детинца, характерной принадлежности древнерусских городов, а включать в территорию города и селища, примыкавшие к его центральному строению.

Таким образом, с большой долей вероятности на данном этапе исследования, которое может быть окончательно закончено только с появлением прямого указания на дату основания города Ливна, легитимно считать 1186 год годом основания древнего города Ливна, ибо не может быть случайным довольно точное совпадение данных о дате возникновения города Ливна, выведенных из двух независимых косвенных источников (арифметический расчет и упоминание о времени появления Пронских князей).

7. Эта запись в Пискаревском летописце позволяет уточнить и ещё одну деталь в истории названия нашего города. Мы видим, что указ государя о восстановлении, строительстве нового города Ливна принят «Того же го[ду] 92-го... (7092 год по новому летоисчислению начинался 1 сентября 1583 г. и заканчивался 31 августа 1584 г. - Ю.В.) ...великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии великим хотением и желанием разпространяет Рускую землю, аки древний сродник его великий князь Владимир, крестившу Рускую землю святым крещением: приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичю Годунову да дьяку ближнему своему Андрею Щелкалову города ставити на поле и в Сивере, и к Астарахани, которыя за много лет запустевша от безбожных агарян и от межуусобных брани: елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Манастырев и иныя многия польския и сиверския».

В «Разрядной книге. 1475 - 1598 г.г.» 7094 год по новому летоисчислению начинался 1 сентября 1585 г. и заканчивался 31 августа 1586 г.) есть запись: «Да государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал на поле города ставити: на Воронеже (реке - Ю.В.) воеводе Семену Федоровичу Сабурову да головам Василию Биркину да Ивану Судако-

ву сыну Мясново.

На Ливне (реке – Ю.Б.) воеводе князю Володимеру Колычеву – Мосальскому да воеводе Луке Хрущову» (32, с.368).

Эта запись говорит о том, что первоначально было принято официальное решение о строительстве города именно на Ливне, а не на Сосне. Это является еще одним косвенным подтверждением того, что старые Ливны располагались на реке Ливне.

Из Пискаревского летописца следует, что Указ о строительстве крепости Ливна существовал уже не позже 1584 года, а не в 1586 году, как до сих пор считают большинство краеведов и ученых. Основано это суждение (о появлении Указа в 1586 году) на записи от 1 марта 1586 года, взятой из «Сторожевой книги», которая гласит, что «И 94 году (1586 – Ю.Б.) марта в 1 день боярин Никита Романович Юрьев сей (эти – Ю.Б.) росписи слушал и приговорил: на Осколе усть Убли и на Дону на Богатом Затоне стоялым головам нестояти. По государеву, цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу и по приговору бояр князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи на Сосне не доезжая Оскола два днища поставить велено город Ливны; а на Дону на Воронеже не доезжая Богатово Затону два днища велено поставить город Воронеж; а быти на Ливнах и город ставити воеводе князю Володимеру Васильевичу Кольцову Мосальскому да Лукьяну Хрущову...

И воеводы с Воронежа и с Ливен к государю писали и сторожевые росписи прислали...(Далее приведен этот документ – Ю.Б.)

Роспись сторожем Ливенским.

1-я сторожа под Котельским лесом, а быти на ней сторожем 6 человекам с Ливен, а перезжати им на лето до Погорелово лесу и до верх Девиц, а проезду днища, а назад тож.» (2, с. 59). Здесь можно отметить одну интересную деталь записи в «Сторожевой книге». В первой её части сказано «...на Сосне...поставить город Ливны ...», а во второй части – «...А быти на Ливнах и город ставити...». Так где город ставить на Сосне или на Ливнах? Откуда та-

кая путаница?

Мы помним, что в разрядной книге в 1586 году было сказано, что город на Ливне ставить. Но его поставили, видимо из практических соображений, не на месте старого городища, а на слиянии Ливны и Сосны, и не в 1586, а 1585 году. А уже позднее, делая запись в «Сторожевой книге» при росписи сторожевой службы на 1586 год, был отражен факт существования города на Сосне, и при этом переписали из царева указа повеление строить город на Ливне.

Из приведенной выше выдержки из «Сторожевой книги» анализируем первое предложение: «И 94 году марта в 1 день боярин Никита Романович Юрьев сей (эти – Ю.Б.) росписи слушал и приговорил: на Осколе усть Убли и на Дону на Богатом Затоне головам нестояти...» Итак, что же делал боярин 1-го марта 1586 года – «росписи слушал», сторожевые росписи, которые «... воеводы с Воронежа и с Ливен к государю писали и сторожевые росписи прислали...». А далее приведена в книге эта роспись, где в частности пишется, что «1-я сторожа под Котельским лесом, а быти на ней сторожем 6 человекам с Ливен...». И далее по всей росписи на сторожи расписываются люди с Ливен.

Эта запись прямо указывает на то, что боярину Юрьеву 1-го марта 1586 года читали росписи сторожей, присланных Ливенским воеводой из Ливен, и людей на службу воевода посылал уже из Ливен. Выходит, что город уже существовал и построен он мог быть только до зимы 1585 – 1586 г.г., т.е. до декабря (по старому стилю) 1585 года, ибо указ о его строительстве существовал еще в 1584 году.

Конечно, сторожи были на южной границе и раньше, но вся эта служба не была упорядочена. Среди существовавших в 1571 году на южной границе 73 сторож была сторожа на реке Сосне усть Ливен, на которой стояло 10 человек из пяти соседних городов: Данкова, Епифани, Дедилова, Новосили и Мценска. (31, с.39). Однако организация сторож на южной границе поначалу не дала ожидавшегося эффекта. Сразу после начала их функционирования весной 1571 года крымский хан Девлет-Гирей, собрав за короткое время

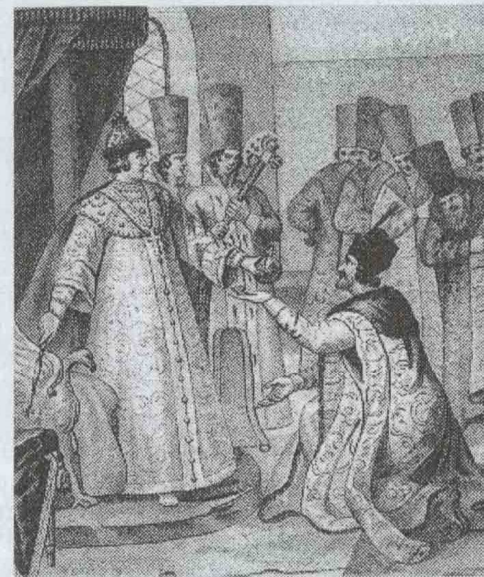
войско численностью до 120 тысяч, совершил молниеносный бросок на Москву. Сторожевая служба не смогла вовремя предупредить о наступлении татар. Крымчане застали врасплох Ивана Грозного, находившегося с опричниками в Серпухове. Царь бежал, оставив Москву на произвол судьбы. Девлет-Гирей сжег Москву дотла, в городе погибло около 80000 человек. Иван Грозный получил от хана урок, который надолго запомнил, и сделал из него выводы. Уже в следующем году войска Девлет-Гирея, пытавшегося повторить свой успех, были разбиты русскими войсками на дальних подступах к Москве. Успеху операции, которую возглавил воевода Михаил Воротынский, способствовали во многом заблаговременные сообщения служилых людей из сторож о приближении татарских войск. Сторожевая служба начала приносить государству пользу. В это время сторожам в районе бассейна реки Сосны Москва уделяла особое внимание. Особенно значимой считалась сторожа на Сосне «усть Ливны» на том месте, где расположен сейчас город Ливны. Связано это было с тем, что возле этого места сходились несколько татарских сакм, дорог, по которым крымчане ходили на Москву. Здесь встречались Муравский, Изюмский и Калмиусский шляхи.

Потому в 1575 г. было принято решение о создании на этом месте новой общероссийской сторожи «на Сосне усть Ливен», причем под командованием воеводы, а не стоялого головы. Первым воеводой на Сосну был послан в 1575 г. М.Д. Карпов. Вместе с ним на все лето были отправлены станичные головы, станичники, вожи и сторожа. Для размещения служилых людей и обеспечения нормального функционирования не просто сторожи, а общероссийской сторожи, людьми Карпова на высоком берегу Сосны, скорее всего, и был построен малый острожек, который впоследствии стал ядром нового города-крепости на реке Сосне.

Общероссийская сторожа во главе с воеводой «на Сосне усть Ливен» была сохранена и в следующем 1576 году. Воеводами в 1576 году «на Сосну» были назначены князь Иван Охлябинин и Михайло Назарьев,

идти им туда предлагалось с ратными людьми из Новосили. Из этого следует, «...что общероссийский сторожевой пост во главе с воеводой при впадении реки Ливны в Быструю Сосну существовал только в 1575 и 1576 гг. В сентябре 1576 г. он подвергся нападению татар. Весной 1577 г. боярин Н. Р. Юрьев и дьяк В. Я. Щелкалов, ведавшие сторожевой службой, решили его не выставлять по географическим соображениям: «потому что донецкие и оскольские и донские головы стоят на Поле дале ливенских воевод и вести от тех голов про крымских и про ногайских людей к государю наперед ливенских воевод бывают».

(17, с.180). Итак, общероссийский пограничный пост, сторожа, «на Сосне усть Ливен» просуществовала 2 года и была разгромлена татарами. А постройки острожка сохранились, в том числе и церкви. Так при Иване Грозном начинает возрождаться поселение в районе древних Ливен. Пясецкий справедливо замечает, что «... не подлежит сомнению, что город Ливны, после долгого исчезновения из памяти истории, возван был к новой жизни царем Иоанном Васильевичем...» (31, С. 41). Однако продолжать интенсивное проникновение на Юг Грозный не захотел, да и не мог. У него были дела поважней на севере. В Ливонской войне шла борьба за обладание Балтийским бе-

Царь Федор Иоаннович назначает правителем России Бориса Годунова в 1584 г.

регом. Иван Грозный в этой войне не преуспел и был вынужден подписать унижительный мирный договор. Случилось это в 1582 году.

К тому времени годы царствования и дни жизни Ивана Грозного были сочтены. Сказывался его «нездоровый» образ жизни. «Ему только было пятьдесят лет с небольшим, а он казался дряхлым, глубоким стариком. В начале 1584 года открылась у него страшная болезнь: какое-то гниение внутри; от него исходил отвратительный запах». (22, с. 517). Врачи не помогли, и 17 марта 1584 года тиран оставил этот, так ненавидевший его, мир. Наследников у Грозного осталось двое: малолетний Дмитрий и слабоумный Федор. Ни тот ни другой реально править страной не могли. В результате борьбы боярских партий 4 мая 1584 года дума признала царем Федора. Вот что новый царь из себя представлял. «Царь Федор Иванович был человеком небольшого роста, опухлый, с бледным лицом, болезненный; он ходил нетвердыми шагами, и постоянно улыбался. Когда польский посланник Сапега представился ему – Федор, одетый в царское облачение с короной на голове, сидел на возвышенном месте и с улыбкою любовался своим скипетром и державным яблоком, а когда проговорил несколько слов тихим и прерывистым голосом, то Сапега сделал такое заключение: «хотя про него говорили, что у него ума немного, но я увидел как из собственного наблюдения, так и из слов других, что у него вовсе его нет». (22, с. 567). А страной кто-то должен был управлять. И некоронованным царем России стал боярин Борис Годунов. Пришло его время.

Первое чем занялся Годунов, так это строительством городов, любимым делом всей своей жизни. Этому хобби правителя России, видимо, и были обязаны своим вторым рождением Ливны. Формально все государственные акты и практические дела во время царствования Федора Ивановича подписывались и приписывались ему, а на деле их автором был Борис Годунов. «Безвольный, добрый и благочестивый Федор, который начинал свой день с молитвы: «Дай, Господи, никому не сделать ничего плохого», нахо-

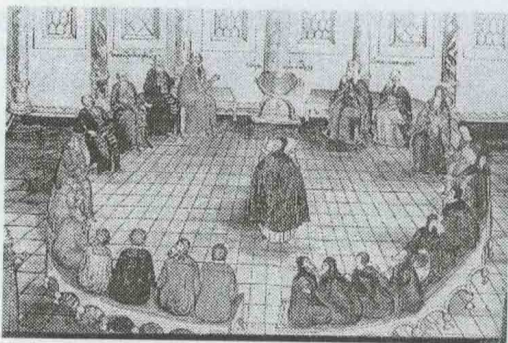
*Борис Фёдорович Годунов
-1552-13.4.1605
Русский Царь в 1598-1605*

дился «в полной воле» Годунова, практически самовластно управлявшего страной от его имени». (13, с. 210).

Не успел Годунов начать властвовать, как распорядился строить новые города на границах государства. Не оставил он без внимания и южные границы государства. Об этом свидетельствует запись в Пискаревском летописце, касающаяся и Ливен тоже.

Анализ Загоровским документов того периода позволил сделать ему вывод, что осенью 1585 года города Воронеж и Ливны уже существовали. (18, с. 88., с. 94.).

Позднее Загоровский отказывается от своего утверждения о строительстве Ливен и Воронежа в 1585 году. Но при этом он противоречит сам себе. Вот что пишет Загоровский: «К какому примерно месяцу и числу можно отнести решение боярской думы и указ царя Федора Ивановича об основании Ливен и Воронежа? «Вилка» здесь не очень велика. Официальное постановление состоялось после 24 ноября 1585 г. (дата приезда посланника Б.П. Благого и одного из будущих руководителей строительства Воронежа В.Г. Биркина в Москву) и до 1 марта 1586 г. (дата распоряжения боярина Н.Р. Юрьева о снятии общероссийских сторож при устье речки Убли и у Богатого Затона в связи с появлением новых городов). Полагаем, что решение боярской думы об основании Ливен и Воронежа, оформленное в виде царского указа, было принято одновременно с рассмотрением отчета посланника Б.П. Благого, возможно, уже 25 ноября

Заседание Боярской думы.

1585 г. вопрос об основании городов в принципе был решен еще 20 октября (1585 г. — Ю. Б.)» (17, с. 201).

Что же мы видим? Загоровский признает, что решение о строительстве Ливен было принято в октябре 1585 г., а царс-

кий указ на эту тему появился в ноябре 1585 г. Что из этого следует? А вот что. Большинство историков полагают, что формальной датой основания города следует считать дату его учреждения как города, т.е. получения им от правительства юридического статуса города (11, с. 106). Выходит, что по утверждению Загоровского Ливны получили статус города в 1585 г., а, стало быть, годом основания новых Ливен следует считать 1585 год. Более того, вспомним, что на слиянии речек Ливны и Сосны существовал острожок, небольшое поселение, которое было построено еще в 1575 году и перестало использоваться сторожевой службой с зимы 1576-1577 года. Однако это не говорит о том, что все эти годы сооружения, отстроенные в 1575 году, не использовались. Эти постройки сохранились даже в 1615 году, что отражено в приправочной книге 1615 года, в которой сказано, что «...город Ливны состоял: из малого острожка, что внутри города Ливен, и большого острога...» (31, с. 47). Поэтому для начала функционирования Ливен как города в 1585 г. нужно было только население, люди, а сам он уже существовал. К такому выводу приходит и Пясецкий, повествуя, что «В то время, как ставился город Ливны, строители его, по надлежащем осмотре местности, составили ... роспись Ливенским сторожам.» (31, с. 44). Т.е. Пясецкий логично утверждает, что росписи сторож, попавшие в марте 1586 года на просмотр к боярину Юрье-

ву, были составлены в строящихся по указу думы от ноября 1585 г. Ливнах.

Более того, датой основания Ливен на новом месте можно считать и 1575 год. Вот что говорит по этому поводу Водарский: «Необходимо подчеркнуть, что проблема возникновения города не имеет однозначного решения, так как это возникновение можно рассматривать двояко: им можно считать основание города как **населенного пункта**, и (или- Ю.Б.) учреждение города, т.е. получение населенным пунктом статуса города от правительства...» (11, с. 105). А ведь как населенный пункт Ливны были основаны еще в 1575 году воеводой Карповым.

Ахматовы слободы и Ливны.

Еще одним из свидетельств существования Ливен в 13-м веке является летописная запись истории с татарским баскаком Ахматом. Полных данных в летописях об этом историческом эпизоде нет, поэтому разные историки трактуют его по-разному. Но все отталкиваются от высказываний С.М. Соловьева, который допускал, ссылаясь на В.Н. Татищева, что князь Святослав, упоминаемый в связи с событиями вокруг Ахматовых слобод, в летописях назывался не только «Липовечским», «Липечким», «Липецким», но и «Ливецким», что созвучно с «Ливенским». Вполне вероятно, что это слово могло исказиться в ходе переписки летописей, что характерно для процесса переписки летописей.

А вот сама история в изложении Соловьева (приводим ее здесь в развернутом виде, т.к. большинству нынешних читателей эта история малоизвестна): «Из других черниговских Ольговичей упоминаются Олег, князь рыльский и волгорский, и Святослав, князь липецкий, по поводу следующего происшествия. Был в Курске ханский баскак, именем Ахмат, сын Темиров; он откупал в Орде всякие дани Курского княжества,

и тяжело было от него и князьям, и черным людям; мало того, он построил себе две большие слободы во владениях князя Олега рыльского и волгорского и князя Святослава липецкого. Олег и Святослав были родственники между собою, но, как обыкновенно тогда водилось, то жили в мире, то воевали друг с другом; нападали они и на Ахматовы слободы, враждовали с ним и опять мирились, так что в Орде ничего об этом не знали. Но скоро князьям нельзя стало более терпеть у себя этих слобод, которых народонаселение увеличилось беглецами отовсюду, и окрестным жителям стало от них уже слишком тяжело. Олег и Святослав начали думать, как помочь злу, и решили, чтоб Олег шел с жалобой в Орду, к Телебуге. Хан решил дело в пользу князей, велел им разорить слободы и жителей их вывести в свою волость; князья исполнили приказ ханский. Тогда Ахмат, видя, что Телебуга принял сторону русских князей, обратился с жалобой на них к сопернику Телебугину, Ногаю. «Князь Олег и родственник его, князь Святослав, — говорил он Ногаю, — именем только князья, а на самом деле разбойники и тебе неприятели; если не веришь, то испытай: есть в Олеговой волости много ловищ лебединых: ты пошли своих сокольников, пусть наловят тебе лебедей, и князь Олег пусть с ними же ловит, а потом пусть они позовут его к тебе: если Олег послушается, придет к тебе, то я солгал, а Олег прав». Ногай сделал по Ахматову, послал звать к себе Олега, и тот не пошел: он боялся, что хотя сам он и не грабил слобод Ахматовых, но люди его и князь Святослав липецкий грабили; к этому можно прибавить также, что пойти к Ногаю, признать над собою его суд и власть значило рассердить Телебугу. Сокольники возвратились и объявили Ногаю, что Ахмат прав, а Олег со Святославом разбойничают и не слушаются хана. Ногай рассердился и послал вместе с Ахматом войско для опустошения волости Олеговой и Святославовой. Татары пришли к городу Ворголу в январе месяце, в сильную стужу; Олег, услышав о Ногаевой рати, бросился бежать в Орду к своему хану Телебуге с женою и детьми, а Святослав бежал в Рязанское княжество, в

леса воронежские; бояре Олеговы побежали было вслед за своим князем, но были перехвачены татарами, в числе одиннадцати человек. Двадцать дней стояли татары в Рыльском и Липецком княжествах, воюя повсюду и складывая добычу в слободах Ахматовых, которые наполнились людьми, и скотом, и всяким богатством. В числе пленников находились и купцы иностранные, немецкие и цареградские, которых привели закованных в железа немецкие; но татары, узнавши, что они купцы, освободили их и отдали им все товары, сказавши: «Вы купцы, торгуете, ходите по всяким землям, так рассказывайте всюду, что бывает тому, кто станет спорить со своим баскаком». Бояр Олеговых Ахмат велел перебить и трупы их развешать по деревьям, а в слободах оставил двух своих братьев с отрядом войска из татар и русских.

В следующем году по весне случилось обоим братьям Ахматовым идти из одной слободы в другую, а с ними шло 35 человек русских слуг их. Липецкий князь Святослав, услышав об этом, подстерег их со своими боярами и дружиною, ударил нечаянно, убил 25 человек русских да двух татар, а братья Ахматовы успели убежать в слободу; Святослав преследовал их и туда, но слобожане встретили его с оружием, и с обеих сторон пало много людей в бою. Братья Ахматовы побоялись, однако, оставаться долее в слободе и побежали в Курск к брату, а за ними разбежались и все остальные слобожане. Ахмат прислал к Святославу с миром, но тот убил и посла. В это время возвратился из Орды от Телебуги князь Олег рыльский, сделал поминки по боярам своим и всем побитым, после чего послал сказать Святославу: «Что это ты, брат, сделал! правду нашу погубил, наложил на себя и на меня имя разбойничье, знаешь обычай татарский, да и у нас на Руси разбойников не любят, ступай в Орду, отвечай». Святослав велел сказать ему на это: «Из чего ты хлопчешь, какое тебе до меня дело? я сам знаю про себя, что хочу, то и делаю; а что баскаковы слободы грабил, в том я прав, не человека я обидел, а зверя; врагам своим отомстил; не буду отвечать ни перед богом, ни пе-

ред людьми в том, что поганых кровопийцев избил». Олег послал опять сказать ему: «Мы целовали с тобою крест, что ходить нам по одной думе обоим; когда рать была, то ты со мною к царю не бежал, остался в Руси, спрятался в воронежских лесах, чтоб после разбойничать, а теперь погубил и мою, и свою правду, нейдешь ни к своему царю, ни к Ногаю на исправу, так как тебя со мною бог рассудит». Объявивши войну Святославу, Олег отправился в Орду, пришел оттуда с толпою татар и убил Святослава. Место последнего занял брат его Александр; он не мог стерпеть, чтобы не отомстить за брата, пошел в Орду с богатыми дарами и, взявши от хана войско, убил князя Олега рыльского с двумя сыновьям». (33, 213 – 214, с. 338 – 339.).

У Соловьева идет речь о Святославе Липецком с оговоркою, что это может быть и князь Ливенский. Тоже касается и князя Воргольского. Одни историки определяют его как князя Рыльского и Воргольского в Рыльское княжество, другие (Пясецкий) в отдельное Воргольское княжество с удельным городом Воргол на территории Елецкого района Липецкой области. Самое интересное в том, что чаще всего упоминаемое в сохранившихся летописях Липовечское княжество историки найти не могут, т.к. кроме этого фрагмента истории с Ахматом оно нигде больше не упоминается. Не известен археологам до сих пор и город Липовечск.

Итак, существуют разные версии о том, где происходили события с Ахматовыми слободами, описанные в нескольких русских летописях. Однако, к сожалению, эти описания не дают однозначного ответа на вопрос о локализации исследуемых событий. Рассмотрим возможные варианты локализации событий в Ахматовых слободах в 13-м веке.

Вариант первый. События происходили в пределах современной Липецкой области. Воргольское княжество находилось в нынешнем Елецком районе Липецкой области, а центром его был г. Воргол на одноименной реке, впадающей в реку Быструю Сосну. Во время раскопок в районе села Воргол найдено городище древнего города. Липечское или Липецкое княжество

было расположено на территории нынешней Липецкой области с центром в городе Липецк.

Исходным для этой версии основанием стало сообщение в Никоновской летописи, в котором рассматриваемые нами события описаны под специальным заголовком «О Курском княжении». Князь Олег назван в летописи «Рыльским и Воргольским», князь Святослав – «Липовечским» («Липечким», «Липецким»). Татары «приидоша ратью ко граду Ворголу месяца генваря в 13 день». Олег бежал с женой и детьми «в Орду», к татарскому хану Телебуге – своему покровителю, а Святослав – «в Резань в леса Вороножския».

Трактуя эти сведения из летописи известный историк М. Н. Карамзин указал географическое местонахождение летописного Липецка на месте сегодняшнего Липецка. Еще в начале XIX века он писал: «Вероятно, что древний Липецк был там же, где и нынешний, основанный на каких-то старых развалинах. Тамошняя гора (на коей во времена Петра Великого стояла отменная высокая липа) и теперь называется Городищем. Имя Липецкого леса и речки Липецки есть древнее. В летописи сказано, что князь Липецкий ушел в леса Воронежские, а город Липецк, как известно, находится на берегу реки Воронеж».

Это высказывание Карамзина, имеющее ряд неточностей и ошибок, легло на долгие годы в основу всех последующих исследований историков. Однако сейчас практически никто из историков не поддерживает версию Карамзина, по которой летописные города Воргол и Липовечск (Липецк) помещаются на место современного с. Воргола в Елецком районе Липецкой области и современного г. Липецка, областного центра. Мы не приводим здесь доказательств, опровергающих версию Карамзина, которые уже сделаны, в том числе липецкими краеведами, довольно убедительно.

Тем более, что на данный момент окончательно доказано, что нынешний центр Липецкой области – г. Липецк в 13 веке не существовал на том месте, где он сейчас находится, и не о нем сообщается в летописях. (См. книгу «Липецк: начало истории», г.

Липецк, 1996 г. Статьи Кучкина В.А. и Зайцева А.К.).

Вариант второй. События происходили в пределах современных Липецкой и Орловской областей. Воргольское княжество, как мы уже указывали, находилось в нынешнем Елецком районе Липецкой области, а центром его был г. Воргол. Липечское, Липецкое или Ливецкое княжество было расположено на территории нынешней Орловской области с центром в городе Ливны.

Как мы уже отмечали, спустя более полувека после Карамзина свое отношение к вопросу об Ахматовых слободах историк С.М. Соловьев выразил в следующих словах: «У Татищева (на которого ссылался Карамзин. – Ю.Б.) вместо «Липецкий» поставлено сперва «Ливецкий», и поэтому, быть может, здесь надобно разуместь Ливны Орловской губернии, вместо Липецка Тамбовского. Но в других местах у него название этих городов и княжества пишется различно».

Сомнение крупного ученого-историка, ставшее известным всему ученому миру, вызвало активизацию поисков городов и мест, связанных с летописными событиями 1283-1284 годов. Этот вопрос по своему истолковал известный орловский краевед Г. Пясецкий, который в своей работе «Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении» (1893 г.) локализует г. Воргол на месте тогдашнего с. Воргол Елецкого уезда. (Позднее там во время археологических раскопок было обнаружено древнее городище 12-13-го веков). А Липовечское княжество (Ливецкое) он считает Ливенским княжеством с центром в г. Ливны. Существование древнего города Ливна в 12-13-м веках подтверждаются сейчас и летописными данными и археологическими раскопками, а тогда Пясецкий опирался на родословную рязанских князей, найденную Зверевым. Эти два поселения – Ливны и Воргол вполне соответствуют летописному описанию истории с Ахматом и его слободами, но есть одно «но» – г. Рьльск, который никак не вписывается в этот вариант объяснения событий 13-го века. Ведь в летописях упоминается князь Олег, рьльский и волгорский. И это обстоятельство не позволяет нам

вполне согласиться с мнением Г. Пясецкого (такого же мнения придерживается и Ф. Ковалев), хотя его не предположение, а уверенность в существовании Ливенского княжества и г. Ливен в 12-13-м веках вполне приемлема.

Вариант третий. Географически место разбоя татар многие историки локализируют районом г. Рьльска и прилегающей к нему территории (западная часть современной Курской области и северо-восточная часть современной Сумской области, где протекает р. Воргол).

В прошлом веке по этому поводу свое мнение высказали ученые Академии наук СССР, которые утверждали, что в результате кропотливого и строго научного анализа текстов летописей и других древних источников, сопоставления их с источниками восточного происхождения, они пришли к выводу, что «Воронежские леса следует помещать к северу от Воргольского городища, в районе современного села Воронеж Сумской области. Поскольку древний Липецк находился недалеко от Рьльска и Воргола... его нужно искать где-то поблизости от них, то есть на юго-запад от Курска. В этом районе есть несколько поселений, в названии которых встречается корень «лип» и рядом с которыми есть городища и могильники. Поэтому точно указать место древнего Липецка затруднительно». (19).

В наши дни эту версию довольно подробно обосновывают в своих работах ученые – краеведы В.А. Кучкин – «Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий» и А.К. Зайцев – «Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283 – 1284 гг.» (См. книгу «Липецк: начало истории», г. Липецк, 1996 г. Статьи Кучкина В.А. и Зайцева А.К.). Тем не менее у них нет полной уверенности в своих выводах. А.К. Зайцев вынужден признать, что «...следует сделать вывод о том, что мы не располагаем к настоящему времени достаточными данными для надежной локализации стольного города Святослава Липовичского (Ливецкого – Ливенского -Ю.Б.), одна-

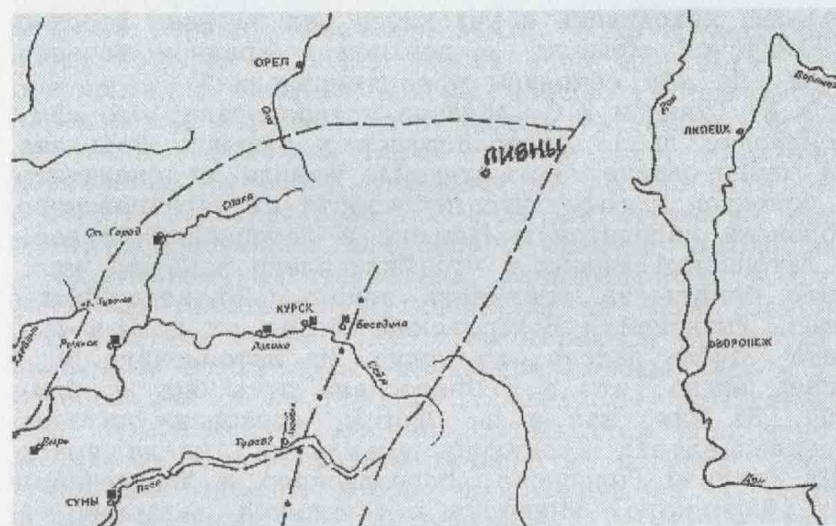
ко, несомненно, что владения этого князя находились в пределах Курского княжества (Курского княжества – Ю.Б.)...» (11, с. 48). Что следует из этого высказывания?

Два заключения. Первое – стольным городом Святослава Липовичского (Ливецкого – Ливенского – Ю.Б.) могли быть и Ливны. Второе – владения этого князя находились в пределах Курского княжества. Остановимся поподробнее на втором заключении. Дело в том, что в книге «Липецк: начало истории», г. Липецк, 1996 г. на странице 135 помещена карта-схема (рис.1), на которой в том числе имеется реконструированные Зайцевым А.К. границы Курского княжества конца 11-13 – го веков. На ней можно видеть, что в пределы Курского княжества не попадают г. Воргол и Вороножские леса, расположенные в Сумской области. На схеме нет Ливен. Но если произвести графические построения, исходя из данных нынешних топографических карт, то мы увидим, что г. Ливны находится на территории Курского княжества того времени! И он мог быть центром Липовечского – Ливенского княжества в 13-м веке. Все это ставит под сомнение реальность рассматриваемого нами варианта локализации событий с Ахматовыми слободами.

Тем более, что Анатолий Кожемякин, историк-краевед, утверждает, «... что не существует в природе – славянского Воронежа. Утверждение о существовании Воронежа в XII столетии (в т.ч. и в нынешней Сумской области – Ю.Б.) и его принадлежность к славянскому населению не имеет под собой никаких оснований».

Единственное только упоминание топонима «Воронеж» в Никоновской летописи не может служить достоверным доказательством существования Воронежа, поскольку сама летопись, как доказано современными учеными, содержит намеренные искажения». (19).

Вариант четвертый. События происходили в пределах современных Курской и Орловской областей. Рьльско-Воргольское княжество, находилось на территории нынешней Курской области, а центром его были г. Рьльск и г. Воргол в нынешней Сумской

— — — Граница Курского княжества в 11 - 13 вв.
(По Зайцеву)

области, последний из которых до сих пор надежно не локализован. Липовечское, Липечское, Липецкое или Ливецкое княжество было расположено на территории нынешней Орловской области с центром в городе Ливна.

В этой версии не подлежит сомнению локализация г. Рьльска и Рьльско-Воргольского княжества в 13-м веке. Остается доказать, вписывается ли в эти события Ливенское княжество – синоним Липовечского княжества. Какие факты позволяют согласиться с правом на существование этой версии?

Ну, во-первых, сомнения Татищева, который не случайно, по всей видимости, вначале поставил «Ливецкий» на месте «Липецкого». Значит, видел он это слово, а, следовательно, в каком-то из первоисточников ему это слово встречалось. Ну а от «Ливецкого» недалеко и до «Ливенского».

Во-вторых, леса Вороножские, упомянутые в летописи. Об их местонахождении идет много споров, но, скорее всего, и к этому склоняются многие исследо-

ватели, находились и находятся они на реке Воронеж в Липецкой области, в верхнем и среднем течении реки. На чем основаны эти утверждения?

А.И. Бунин и И.С. Абрамов предполагали, что «Воронежские леса» располагались у городка Воронежа на Черниговщине (есть такой). Доводы их сводились в основном к тому, что поблизости от черниговского Воронежа находятся и Рыльск, и летописный Воргол, и летописный Липецк и что Святославу незачем, мол, было бежать за тридевять земель. Но ведь Олег, князь Рыльский и Воргольский, бежал от воинов Ахмата очень далеко, «в Орду». Из летописного рассказа видно, что и у Святослава путь был не близок. За ним, как и за Олегом, «гнашася» татары; преследователи вернулись уже тогда, когда всю шел разгром Рыльского, Воргольского и Липовечского (Липецкого) княжеств оставшимися татарами. А разгром упомянутых княжеств по летописи продолжался 20 дней. Значит, за Святославом гнались не более 10 дней, но и не менее 5-ти дней в один конец.

Какое расстояние могли покрыть татары на своих скакунах в один день (сутки)? По имеющимся данным даже большие отряды татар проходили до 100 км за сутки, а небольшие мобильные отряды, каковыми, видимо, являлись карательные формирования Ахмата, могли двигаться с еще большей скоростью. И даже, если уменьшить скорость перемещения татар в два раза, поскольку события происходили зимой, то и тогда погоня за Святославом происходила на удалении 250 – 500 км от Курска, где была ставка Ахмата.

«Никак нельзя также сбросить со счета упоминание о Рязани в Никоновской летописи («побежа в Резань в лесы Вороножския»). Зачем составителю этой летописи надо было добавлять лишние слова в текст, когда он и так при описании «зла в великом княжении в Курском» сокращал какую-то древнюю повесть – недошедший до нас источник летописного рассказа – и даже специально сообщил, как мы видели, об этом? Составитель Никоновской летописи, во всяком случае, был уверен, что Святослав бежал к реке Воро-

неж, на окраину Рязанской земли, а не к черниговскому городку Воронежу. «Даже если допустить, что пояснение «в Резань» вписано именно составителем: Никоновской летописи, а в древнем источнике этого летописного рассказа таких слов не было, то почему добавление русского книжника не должно соответствовать действительности? Ведь оно написано знающим, образованным для своего времени человеком.

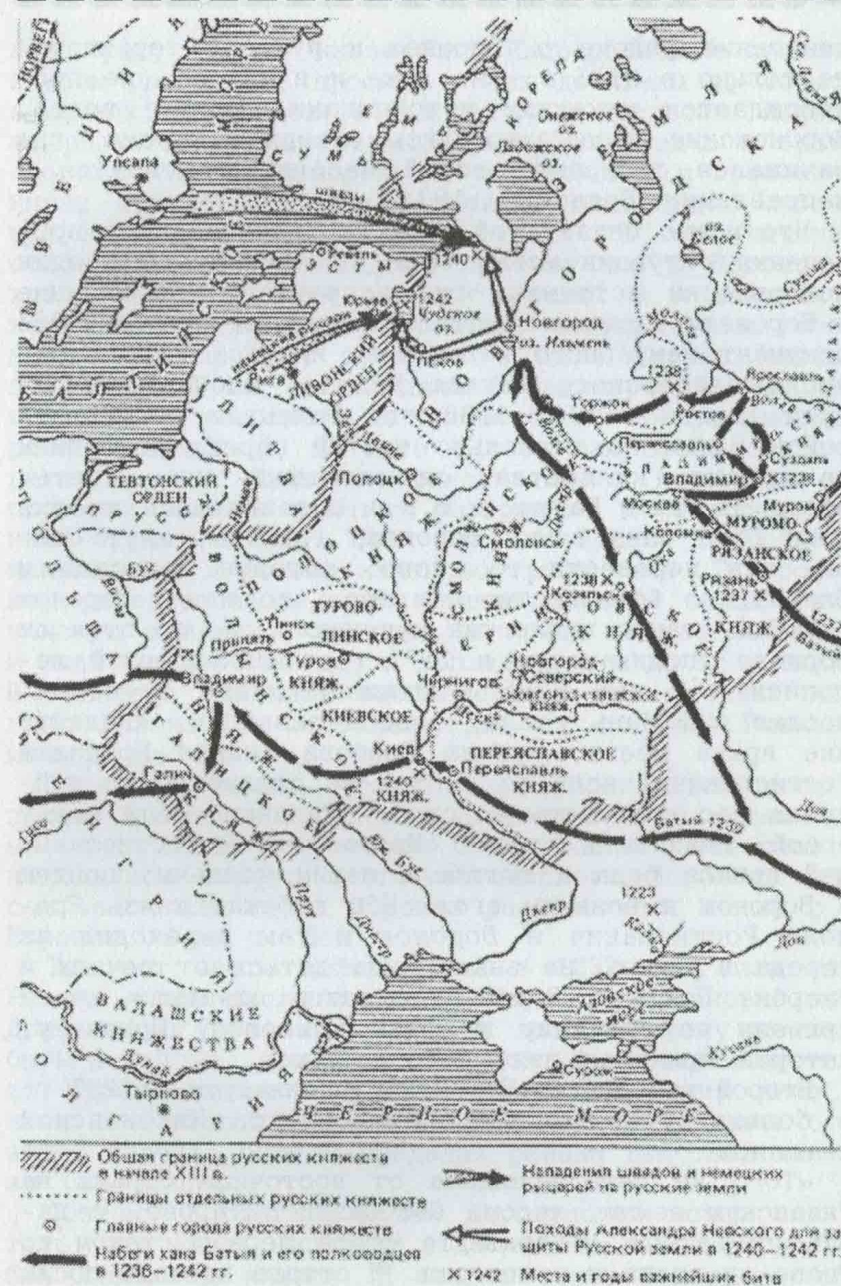
Но главное, на наш взгляд, заключается в географическом толковании и понимании на Руси термина «Воронежские леса». Под этим термином подразумевались не вообще какие-то неопределенные леса у р. Воронеж или около городка Воронежа на Черниговщине. «Воронежскими лесами» назывались конкретные лесные массивы в среднем течении р. Воронеж. Такое толкование термина хорошо прослеживается по более поздним документам, относящимся к XVI–XVII вв. Так, в документах об организации сторожевой службы на юге Русского государства в 1571 г. отмечается, что одна из ряжских сторож стояла «на Ломовой речке под большим Воронежским лесом». В писцовой стрелецкой книге Козловского уезда 1636 г., в описаниях уезда, сделанных в 1638, 1646, 1651 гг., термин «Большой Воронежский лес» встречается постоянно; этот лес простирается к северу и западу от места слияния Лесного и Польного Воронежей. Свои названия имели и меньшие по размерам леса, примыкавшие к Большому Воронежскому лесу (например, «Юрьев лес», «Хобот», «Хоботец»». (19).

Так вот, расстояние от Курска до г. Мичуринска Тамбовской области (район слияния Воронежей Польного и Лесного) составляет всего 357 км, а от Ливен и того меньше – около 200 км. К древним Воронежским лесам относился, видимо, и сохранившийся до наших времен лесной массив на реке Воронеж нынешнего лесхоза Первомайский (Первомайский заказник) в Усманском районе Липецкой области. Ибо и поныне он входит в практически сплошной лесной массив, тянувшийся от Большого Воронежского леса, расположенного в районе места слияния Лесного и Польного Воронежей. Расстояние до леса в Усманском районе Липецкой области напрямую от Ливен всего 120 км.

Надо сказать, что в аргументах многих историков, которые отвергают возможность нахождения летописного Липичского, Липецкого княжества на территории нынешнего Ливенского района Орловской области связаны с одним, кажущимся для них непреодолимым для этого препятствием — большим удалением Рыльска и Курска от Ливен. Посмотрим, так ли это. По существующим дорогам расстояние от Ливен до Курска составляет 175 км, а до Рыльска 292 км. Если погоня за Святославом велась из Курска, а это так и было, ибо отряды татар шли в Рыльское и Липовечское (Ливенское — Ю.Б.), то до ближайших от Ливен массивов Воронежских лесов от Курска расстояние составляло около 300 км. Это не превышает определенных нами границ района погони за восставшими князьями. Да и расстояние от Рязани до Курска через Ливны составляет 539 км, что на немного превышает предельные размеры установленных нами границ района погони за восставшими князьями.

Напомним о том, что по схеме Зайцева в 13-м веке место нахождения Ключевского городища (старая Ливна) расположено в пределах границ Курского княжества. Елецкого княжества, как показали последние исследования, в 13-м веке еще не существовало. (См. Тропин Н.А. «Елецкая земля в 12 — 15 вв.», г. Елец, 1999 г.; Лаптенков В.В. «Елецкие древности», г. Воронеж, 1998 г.). Так что Ливенскому князю с руки было скрываться в лесах Воронежских, находившихся уже не в Курском, а Рязанском княжестве в пределах 2-х — 3-х дневного перехода от Ливен. Тем более, что изначально Ливенские князья были родом из Рязанщины.

Однако некоторые ученые отвергают эту версию о Воронежских лесах, и вот на каком основании: «В рассказе о дальнейшем течении обострившегося и затянувшегося конфликта (Ахмата с Курскими князьями — Ю.Б.) особый интерес представляет упоминание о «Вороножьских лесах», относимых летописцем к русским владениям. Мнение о том, что эти леса находились в бассейне р. Воронеж, представляется маловероятным: во-первых, из-за значительной удаленности от Курска (более 200 км); во-вторых,

отнесение района р. Воронеж к русской территории не только в XIII в., но даже и в XIV в., не подтверждается никакими источниками. Скорее всего, Вороножские леса находились севернее Курска, где начинался обширный лесной массив, тянувшийся в направлении Брянска». (19).

Что можно сказать об этом возражении? Для прояснения ситуации можно было бы привлечь еще один исторически источник, где встречается упоминание о Воронеже в связи с нашествием Батюга на Русь. Это документ мемуарного характера. Имеется в виду записки венгерского монаха Юлиана, побывавшего на Руси дважды в 1235-1238 гг. Описывая разделение войск Батюга на несколько частей перед нападением на русские княжества, он сообщает, что «третья часть (войска Батюга — Ю.Б.) остановилась против реки Дона близ замка Воронежа (правда, идут споры, как перевести то слово, которое написано у Юлиана, но большинство считают, что это — Воронеж — Ю.Б.), также княжества русских». Не об этом ли Воронеже упоминается в 1177 г. в Никоновской летописи: «В год 6685 ... Великий князь Всеволод.. послал в Рязань гонца, говоря рязанцам: «Выдайте мне врага моего, шурина Глебова, князя Ярополка Ростиславича; если же вы так не сделаете, то пойду на вас с большим войском». Рязанцы, решая между собой, сказали в ответ: «Из-за князей Ростиславичей пришла беда и гибель нашим князьям; пойдем в Воронож и возьмем его». Ибо отбежал князь Ярополк Ростиславич в *Воронож* и там переходил из города в город, не зная, куда деться от печали и скорби. Пойдя в *Воронож*, рязанцы схватили его и привели во Владимир к князю Всеволоду Юрьевичу, который приказал взять его у них».

Второй раз слово «Воронеж» упоминается в 1237 г. в большинстве сохранившихся списков Никоновской летописи:

«Того же лета приидоша от восточных страны на Рязанскую землю, лесом, безбожнии татарове, с царем их Батюем, и пришедше стаха первое станом по Онозе, и взяша ю и пожгоша. И оттоле послаша послы своя к великому князю Юрию Рязанскому Ингворовичу,

и к брату его ко князю Олгу Ингворовичу и прочим князем рязанским, просяще у них десятины во всем: в князех, и в людех, и в конех, и в доспесех. Князи же рязанстии князь велики Юрьи Ингворовичь и брат его князь Олег Ингворовичь, и муромский и пронские князи отвещаша послом Батюевым, глаголюще: «коли нас не будет, то все ваше будет». И тако начяша совокуплятися, и выидоша противу их в *Воронож*, хотяху брань с ними сотворити тамо: а к великому князю Юрию Всеволодичю послаша, зовуще его к себе на помощь противу безбожного царя Батюга; князь велики же Юрьи Всеволодичь Володимерский сам не поиде, ни силы своеа не посла, и не послуша молбы рязанских князей, но хоте о себе сам особь сотворити брань... Князи же рязанстии, и муромстии и пронстии изшедше противу безбожных, и сотвориша с ними брань, и бысть сеча зла, и одолеша безбожнии измаилтяне, и бежаша князи во грады своя. Татарове же, разсверепевше зело, начяша воевати землю Рязанскую с великою яростию, и грады их разбивающе, и люди секуще и жгуще, и поплениша ю и до Проньска. И приидоша окаяннии иноплеменницы под столный их град Рязань, и оступиша град их столный Рязань месяца декабря в 6 день». (19).

Здесь мы видим, что Воронеж упоминается летописцем упорно в Рязанском княжестве и не исключено, что леса, в которые бежал князь Святослав, находились вокруг этого летописного Воронежа. А сам замок или город Воронеж располагался не на р. Воронеж, а на р. Дон.

Так вот часть войск Батюга в 1237 году шли на Рязань в том числе и с юга. Тогда их остановка на Дону перед решающим броском на Рязанщину могла быть в районе древнего г. Дубок. А до этого места от Курска менее 400 км. Т.е. Вороножские леса, если они располагались на Дону, и носили имя от этого города, были в пределах района действий князя Святослава.

Поэтому с большой долей вероятности можно считать, что князь Липецкий у Соловьева на самом деле был Ливенским князем. И если в текст Соловьева мы подставим вместо слова «Липецкого» слово «Ливен-

ского» то получим реальную картину событий 13-го века. Вот что из этого получается: «Из других черниговских Ольговичей упоминаются Олег, князь рыльский и волгорский, и Святослав, князь ливенский, по поводу следующего происшествия. Был в Курске ханский баскак, именем Ахмат, сын Темиров; он откупал в Орде всякие дани Курского княжества, и тяжело было от него и князьям, и черным людям; мало того, он построил себе две большие слободы во владениях князя Олега рыльского и волгорского и князя Святослава ливенского. Олег и Святослав были родственники между собою, но, как обыкновенно тогда водилось, то жили в мире, то воевали друг с другом; нападали они и на Ахматовы слободы, враждовали с ним и опять мирились, так что в Орде ничего об этом не знали. Но скоро князьям нельзя стало более терпеть у себя этих слобод, которых народонаселение увеличилось беглецами отовсюду, и окрестным жителям стало от них уже слишком тяжело. Олег и Святослав начали думать, как помочь злу, и решили, чтоб Олег шел с жалобой в Орду, к Телебуге. Хан решил дело в пользу князей, велел им разорить слободы и жителей их вывести в свою волость; князья исполнили приказ ханский.

Тогда Ахмат, видя, что Телебуга принял сторону русских князей, обратился с жалобой на них к сопернику Телебугину, Ногаю. «Князь Олег и родственник его, князь Святослав, — говорил он Ногаю, — именем только князья, а на самом деле разбойники и тебе неприятели; если не веришь, то испытай: есть в Олеговой волости много ловищ лебединых: ты пошли своих сокольников, пусть наловят тебе лебедей, и князь Олег пусть с ними же ловит, а потом пусть они позовут его к тебе: если Олег послушается, придет к тебе, то я солгал, а Олег прав». Ногай сделал по Ахматову, послал звать к себе Олега, и тот не пошел: он боялся, что хотя сам он и не грабил слобод Ахматовых, но люди его и князь Святослав ливенский грабили; к этому можно прибавить также, что пойти к Ногаю, признать над собою его суд и власть значило рассердить Телебугу. Сокольники возвратились и объявили Ногаю, что Ахмат прав, а

Олег со Святославом разбойничают и не слушаются хана. Ногай рассердился и послал вместе с Ахматом войско для опустошения волости Олеговой и Святославовой. Татары пришли к городу Ворголу в январе месяце, в сильную стужу; Олег, услышав о Ногаевой рати, бросился бежать в Орду к своему хану Телебуге с женою и детьми, а Святослав бежал в Рязанское княжество, в леса воронежские; бояре Олеговы побежали было вслед за своим князем, но были перехвачены татарами, в числе одиннадцати человек. Двадцать дней стояли татары в Рыльском и Ливенском княжествах, воюя повсюду и складывая добычу в слободах Ахматовых, которые наполнились людьми, и скотом, и всяким богатством. В числе пленников находились и купцы иностранные, немецкие и цареградские, которых привели закованных в железа немецкие; но татары, узнавши, что они купцы, освободили их и отдали им все товары, сказавши: «Вы купцы, торгуете, ходите по всяким землям, так рассказывайте всюду, что бывает тому, кто станет спорить со своим баскаком». Бояр Олеговых Ахмат велел перебить и трупы их развешать по деревьям, а в слободах оставил двух своих братьев с отрядом войска из татар и русских.

В следующем году по весне случилось обоим братьям Ахматовым идти из одной слободы в другую, а с ними шло 35 человек русских слуг их. Ливенский князь Святослав, услышав об этом, подстерег их со своими боярами и дружиною, ударил нечаянно, убил 25 человек русских да двух татар, а братья Ахматовы успели убежать в слободу; Святослав преследовал их и туда, но слобожане встретили его с оружием, и с обеих сторон пало много людей в бою. Братья Ахматовы побоялись, однако, оставаться долее в слободе и побежали в Курск к брату, а за ними разбежались и все остальные слобожане. Ахмат прислал к Святославу с миром, но тот убил и посла. В это время возвратился из Орды от Телебуги князь Олег рыльский, сделал поминки по боярам своим и всем побитым, после чего послал сказать Святославу: «Что это ты, брат, сделал! правду нашу погубил, наложил на себя и на меня имя разбойничье, знаешь обычай

татарский, да и у нас на Руси разбойников не любят, ступай в Орду, отвечай». Святослав велел сказать ему на это: «Из чего ты хлопочешь, какое тебе до меня дело? я сам знаю про себя, что хочу, то и делаю; а что баскаковы слободы грабил, в том я прав, не человека я обидел, а зверя; врагам своим отомстил; не буду отвечать ни перед богом, ни перед людьми в том, что поганых кровопийцев избил». Олег послал опять сказать ему: «Мы целовали с тобой крест, что ходить нам по одной думе обоим; когда рать была, то ты со мною к царю не бежал, остался в Руси, спрятался в воронежских лесах, чтоб после разбойничать, а теперь погубил и мою, и свою правду, нейдешь ни к своему царю, ни к Ногаю на исправу, так как тебя со мною бог рассудит». Объясивши войну Святославу, Олег отправился в Орду, пришел оттуда с толпой татар и убил Святослава. Место последнего занял брат его Александр; он не мог стерпеть, чтобы не отомстить за брата, пошел в Орду с богатыми дарами и, взявши от хана войско, убил князя Олега рыльского с двумя сыновьям». Вот такая история.

Остается только уточнить датировку описанных событий. Дело в том, что некоторые историки, исследовав, наряду летописями, документы арабского происхождения, по другому датируют описанные события. По мнению В.А. Кучкина, события, помещенные в летописи с датой 1283 – 1285 гг., на самом деле произошли позднее: «...наиболее реальная дата происшедших в Рыльско – Воргольском, Липовичском и Курском княжении событий – весна 1289 – осень 1290 гг.». (11, сс. 28 – 33). Этим периодом следует, на наш взгляд, датировать и прекращение существования Ливен в 13-м веке.

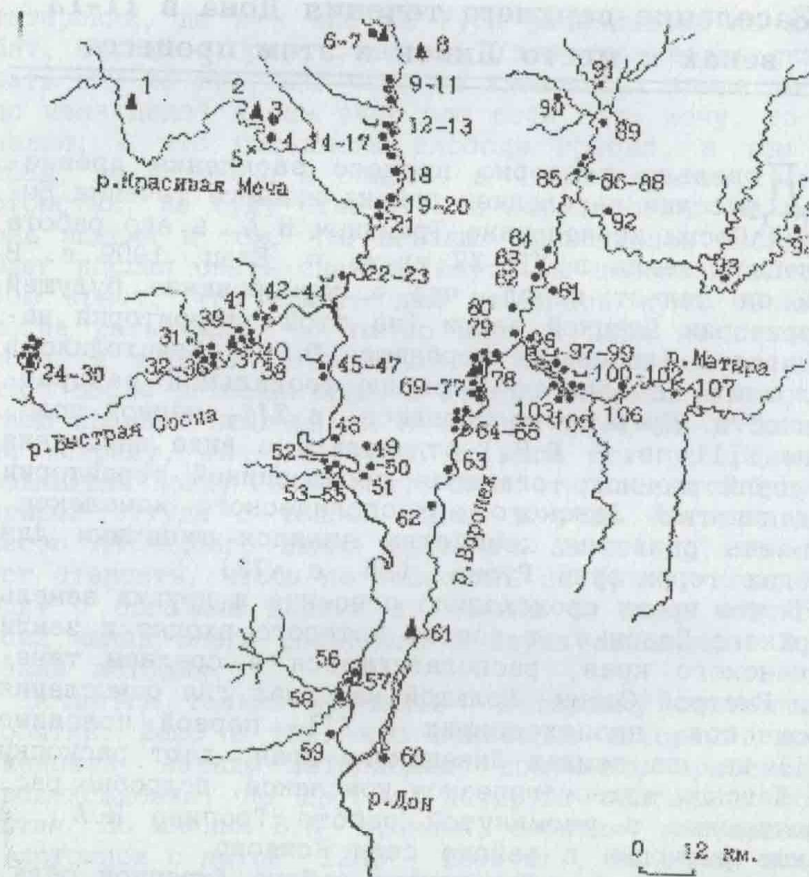
Заселение верхнего течения Дона в 11-13 веках и место Ливен в этом процессе

Довольно подробно процесс заселения древнерусским населением района нижнего течения Быстрой Сосны исследовано Тропиным Н.А. в его работе «Елецкая земля в XII–XV вв.», г. Елец, 1999 г. В ней он делает вывод, что «...формирование будущей территории Елецкой земли (на этой территории находится и Ключевское городище – Ю.В.) происходило в условиях начального периода феодальной раздробленности. Суть этого процесса (в XII– первой половине XIII вв. – Ю.В.) отражалась в виде заселения и хозяйственного освоения периферийной территории под защитой Лавского археологического комплекса. Уровень развития хозяйства являлся типичным для многих территорий Руси». (35, с. 72).

В это время происходило освоение и других земель верхнего Подонья, в состав которого входят и земли Ливенского края, располагающиеся в среднем течении Быстрой Сосны. Большой материал для осмысления процессов, происходивших в XII– первой половине XIII вв. на землях Ливенского края, дают раскопки на Лавском археологическом комплексе, подробно рассмотренные в упомянутой работе Тропина Н.А., а также раскопки в районе села Ксизово.

В селе Ксизово Задонского района Липецкой области на месте древних поселений и захоронений уже в течение нескольких лет ведутся археологические раскопки. За это время учеными были найдены многочисленные памятники, повествующие об освоении этого района России людьми в древние времена.

Село Ксизово изначально входило в состав Орловской губернии, а затем Задонского района Орловской области. И только в 1954 году оно оказалось на территории нынешней Липецкой области. Поэтому раскопки, происходящие там, должны внести ясность и в историю нашего края. Тем более это касается Ливен, от которых Ксизово расположено всего в каких-то 90-ста километрах к востоку и всего на 16 километ-

*Древнерусские памятники 12-го – первой половины
13-го веков в Верхнем Подонье.
24-30 – «Ключевка», 32-36 – Воргол, 37-38 – Лавы,
40-41 – Елец, 53-55 – Ксизово. (35, С.56-57).*

ров южнее. Процессы, происходившие в районе Ксизово, не могли сильно отличаться от тех, что в эти же времена имели место в Ливенском крае.

О чем же повествуют раскопки в районе Ксизово? Здесь археологи обнаружили целый город, история которого насчитывает почти 2 тысячелетия. Раскоп-

ки дают представление о роскоши древних гуннов и славянских племен. Например, найдены древние изделия из серебра и бронзы. Такие же раньше попадались в Западной Европе.

Материалы 15 эпох, начиная от позднего каменного века и заканчивая древней Русью, найдены во время раскопок. Здесь представлено 17 культур, различных эпох – с 4 по 13 века. Обнаружено 30 погребений гуннов (5 век н.э.), захоронения вятичей 13 века, найдено около 10000 фрагментов посуды, изделий из кости, а также украшения и орудия труда различных периодов.

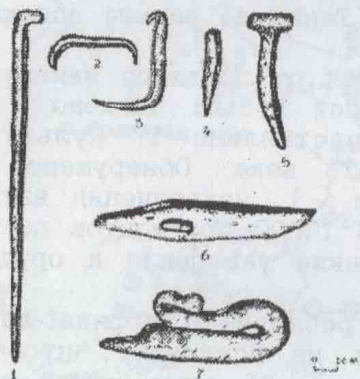
Анализируя традиции погребального обряда найденных захоронений, ученые не исключают, что на землях современного Ксизово в 5 веке нашей эры располагалось гуннское ханство, объединившее воинственных кочевников разных национальностей: германцев, вестготов, славян – предков основателей древнерусского государства. По оценке археологов, здесь расположен один из самых крупных могильников периода великого переселения народов. (19).

Нет сомнения, что в состав этого гуннского ханства входили и земли Ливенского края. Уже сейчас известны согласно сведениям Краснощековой С.Д. четыре селища конца I тысячелетия до н.э. – начала I тысячелетия н.э. (Мальцево – 1, Лютое – 2, Кунач – 4, поселок сахарного завода), открытые на территории Ливенского района. Нет сомнений, что территория Ливенского района в это время тоже была заселена.

Обнаруженные при раскопках в районе Ксизово украшения стали для археологов полной неожиданностью. Красно-сине-зеленые бусы и бронзовая серьга – изделия причерноморских мастеров. Их находили раньше только в Западной Европе.

Теперь это дает ученым основание предполагать, что на месте поселка Ксизово в V-VII веках размещалось очень крупное поселение, которое не обходило стороной торговые караваны.

В захоронениях Ксизово были обнаружены решетчатый перстень и кусочек серебряной парчи. Находки датируются XIII столетием. Эти находки под-

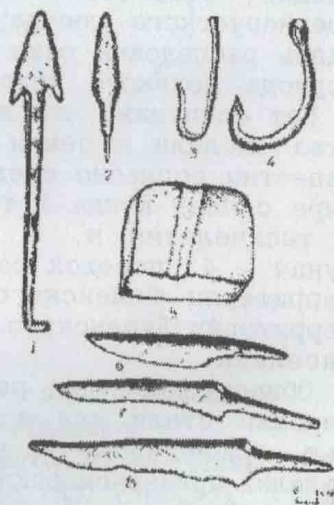
Илл. 62. Предметы быта 12 - 13-й вв.

1 - наконечник дротику, 2 - наконечник стрелы, 3-4 - рыболовные крючки, 5 - точильный брусок, 6-8 - ножи. Селища Ключевка - 1,2. Ливенский р-н. (24, с.300).

нахождение нигде не было указано. Возможно, он находился на месте нынешнего села Ксизово.

Некоторые исследователи Ксизовского городища утверждают, что где-то в конце XII - начале XIII века, то есть накануне татаро-монгольского нашествия, какая-то группа вятичей стала спускаться вниз по Дону. И Ксизо-

тверждают версию исследователей, считающих, что неподалеку от Ксизова пролегал путь из Византии на Русь. Контролировало его племя вятичей, пришедших на современную территорию Липецкой области из Волго-Окского бассейна и основавших на берегу Дона городок, где они занимались торговлей и ремеслом. В летописях упоминается Аксюзов-городок, однако, его место-

Илл. 63. Предметы кузнечно-го ремесла 12 - 13-й вв.

1 - костыль, 2 - скоба, 3-5 - гвозди, 6 - молоток, 7 - кресало. Селища Ключевка - 1,2. Ливенский р-н. (24, с.301).

во оказалось самой южной точкой их расселения.

Нельзя не заметить, что хрустальные шарообразные бусы и решетчатые перстни 12-13 веков, аналогичные ксизовским, были обнаружены и на Ключевском городище, которое находилось несколько западнее Ксизовского городища. Этот факт говорит о том, что древний город Ливна входил в структуру организованной общности вятичей 12-13-го веков, один из центров которой находился в донском городке Аксюзов.

Тем более, если придерживаться версии о том, что какая-то группа вятичей в конце 12-начале 13-го века стала спускаться вниз по Дону, то эти вятичи никак не могли не обратить внимание на довольно крупную, судоходную по тем временам реку, которая попала им по пути. Ведь городище Ксизово находится ниже впадения Быстрой Сосны в Дон. Нет сомнения в том, что какой-то отряд вятичей решил исследовать эту реку, Сосну. В результате на ее берегах и берегах ее притоков возникла сеть поселений, в т.ч. городов, среди которых была и древняя Ливна. Причем древние вятичи пошли по Сосне вверх дальше Ливен. Одно из их поселений обнаружено в Ливенском районе выше Ливен по течению Сосны недалеко от нынешнего села Вязовик. В верховьях Сосны в этот период по летописным сведениям существовал и древнерусский город Коршов. Факт наличия новой волны заселения района нижнего и среднего течения Быстрой Сосны в 12-первой половине 13 веков подтверждают археологические изыскания в этих районах. Причем новая волна переселенцев являлась отличной по своему этническому составу, от тех жителей, которые находились на этой территории до 12-го века. На основании проведенного анализа Тропин Н.А. делает вывод, что «...можно утверждать, что в 12 - первой половине 13 веков бассейн нижнего течения Быстрой Сосны заселяется новой группой древнерусского населения». (35, с. 54). Следует отметить, к этим поселениям Тропин относит и Ключевское городище. (35, см. схему рис. 7, с. 56-57). «Причиной второй миграционной волны (на рубеже 12-13 вв. на территории нижнего течения Быстрой Сосны

- Ю.Б.), возможно, были связаны с попыткой Рязанского княжества закрепиться в этом регионе». (35, с. 60).

Причиной освоения побережья Сосны, по всей вероятности, следует считать стремление новых поселенцев контролировать территорию и природные богатства заселенного ими района, и охранять их от южных народов, о существовании которых они знали и с которыми сталкивались в процессе своего существования. «Трудно утверждать, была ли пограничная служба в 11-13 вв. активной, с выдвинутым в поле «богатырских застав», или опиралась на вышеупомянутых «бродников». («Бродники» - этнос, представленный в основном выходцами из русских земель, уходившими из под тяжелой княжеской власти. (24, С.259.)). Вместе с тем наличие городищ по обследованным рекам Орловской области предполагает существование оборонительных линий в 11 - 13-ом вв. Расположение этих укрепленных поселений свидетельствует о том, что направлены они были «против степного юга и особенно юго-востока области (Орловской - Ю.Б.) по правобережью Сосны и далее». (24, С.264.). Древняя Ливна входила в эту систему укрепленных поселений. А их основная масса находилась по левому берегу Сосны между древними Ливнами и Ельцом.

Кстати, датировки основания древних Ливен (1186 г.) и древнего Ельца (1146г.) хорошо вписывается в предположение о том, что где-то в середине XII - начале XIII века, то есть накануне татаро-монгольского нашествия, какая-то группа вятичей стала спускаться вниз по Дону. Естественно их расселение по берегу Сосны происходило в направлении от Дона. Сначала был основан Елец, а затем и Ливны. Несомненно, что древний Елец, существовавший уже около 40 лет до даты основания Ливен, был старшим по отношению к древним Ливнам городом. Не случайно Ливна (древние Ливны) сохранилась в памяти народа как Елецких князей вотчина (см. Пискаревский летописец). Связь древних Ливен с поселениями 12-13-го веков в Ксизово просматривается и в том, что и Ливна и Ксизово в 13-м веке прекратили свое суще-

ствование схожим образом. Ведь при проведении раскопок на территории Ключевского городища (Ливна) и близ него не обнаружено останков людей и оружия. Этот факт говорит о том, что, либо город враги взяли без боя и пленили всех его жителей, либо ливенцы покинули город по собственной инициативе, узнав о приближении значительно превосходившего их по силе врага, и сожгли город своими руками.

Интересно, что и при раскопках поселения Ксизово 12-13-го веков один из его исследователей Андрей Обломский, руководитель одной из экспедиций археологов, пришел к выводу, что горожане в Ксизово в 13-м веке сами сожгли свой город. Он говорит, что здесь «Четко видно, что все поселки были сожжены пожаром. И следом нечто вроде эвакуации. Люди ушли, дома за собой сожгли, все самое ценное унесли» (19), и просматривается полное совпадение в поведении древних Ливенцев и ксизовцев, которое говорит о том, что причина, вынудившая их разрушить свои города, была одной и той же.

Судьба древних русских городов верхнего Подонья и Пососенья была обусловлена их географическим расположением. По мнению большинства историков по реке Быстрая Сосна проходила в 12-14 вв. граница русских земель. Однако до сего времени нет однозначной оценки других характеристик этого русского пограничья. «Неоднозначные суждения высказывались по этнографическому составу населения Верхнего Дона... Одни исследователи полагали, что район был заселен вятичами..., другие северянами и радимичами...». (35, с.12). Дискуссионным остается вопрос о политической принадлежности этих мест, в т.ч. и древнего города Ливна. Одни исследователи относили его к владениям Рязанского княжества, другие - Черниговского, третьи Северной земле. Есть суждения о том, что Ливна в 12-13 веках могла входить в состав Курского княжества и даже находиться в составе Золотой Орды (35, С.15.). А вот в 14-15 вв. ливенские земли, когда сам город Ливна лежал в развалинах, входили в состав Елецкого княжества.

Недавно в окрестностях села Ксизово Задонского

района откопали подвеску XII века с изображением Георгия Победоносца. Это самое древнее в Черноземье изображение Георгия Победоносца. Возраст медальона определили по браслету, надетому на правую руку девочки: в конце XII – начале XIII века такие украшения носили на запястье вятичи. Впервые было получено подтверждение того, что вятичи были христианами. Несомненно, что и жители Ключевского городища были христианами, хотя при раскопках на городище не было найдено культовых предметов. Следует отметить, что в 1198 году в столице Рязанского княжества г. Рязани (Старой) была учреждена Муромско-Рязанская епархия, отделенная от Черниговской. Был утвержден первый Муромский и Рязанский епископ – Арсений. Древний город Ливна находился на территории этой епархии.

Анализ предметов, найденных при раскопках Ключевского (КАК), Лавского (ЛАК) и Ксизовского (КСАК) археологических комплексов говорит о том, что большинство значимых находок, характеризующих быт и хозяйственную деятельность древних обитателей этих поселений, полностью совпадают. На всех местах рас-

С.В. Иванов. Приезд воеводы

копок 11-13 веков найдены: гончарная керамика со схожими рисунками, наконечники стрел, рыболовные крючки и грузила, стеклянные бусины и браслеты, пряжки, конская сбруя, шиферные пряслица и решетчатые перстни. Такие совпадения позволяют считать судьбу этих поселений 12-13-го века, расположенных в верхнем Подонье и от-

стоящих друг от друга на расстоянии не более 100 километров, единой.

Анализ, проведенный Тропиным Н.А. в его работе

«Елецкая земля в 12 – 15-ом вв.» (г.Елец, 1999 г.) значения Лавского городища для окружающих его земель, позволяет утверждать, что городище в с. Лавы является останками древнего города. Это был предшественник Ельца, но точное его название пока неизвестно. Но, скорее всего, это был древний Елец. Так мы будем называть это городище 12 – 13-го веков, расположенное вблизи нынешнего г. Ельца.

Что же представляет из себя Лавский археологический комплекс? Расположен он в 7 км к юго-западу от центра современного г. Ельца. (Интересно, что Ключевского городище тоже находится приблизительно в 7 км от центра современных Ливен). В состав ЛАК входит городище площадью 1,2 га и селище. Его размеры и состав предметов, которые найдены на территории ЛАК, позволяют говорить о том, что древний город Елец, располагавшийся на территории ЛАК, был военно-административным центром территории в бассейне нижнего течения Быстрой Сосны. Его власть распространялась и на находившийся в 73 км от древнего Ельца древний город Ливна.

Находки археологов на КАК и ЛАК (стеклянные бусы и браслеты, шиферные пряслица) говорят о том, что древние города Пососенья в 12-13 веке имели торговые связи с Киевом, Черниговом и Рязанью.

При раскопках в КАК, ЛАК и КСАК были обнаружены решетчатые перстни из билона и бронзы. Эти находки подтверждают версию исследователей, считающих, что неподалеку от Ксизова и Ельца пролегал путь из Византии на Русь. Отсюда решетчатые перстни попали в древние Ливны. Контролировало торговый путь племя вятичей, в состав которого входили и древние ливенцы.

Сравнительная таблица находок, добытых во время раскопок на местах проживания людей в 11-13 вв. в районе Верхнего Подонья и Нижнего Пососенья

№ п/п	Наименование предмета 11-13-го вв., добытого в ходе раскопок	Место раскопок		
		Кочетовской АК (КАК)	Лавский АК (ЛА К)	Кисловский АК (КСАК)
1	Гончарная керамика с волн. Рис.	+	+	+
2	Строиг. остьль (железо)	+	-	-
3	Скоба строиг. (железо)	+	+	-
4	Гвозди (железо)	+	-	-
5	Молоток (железо)	+	-	-
6	Кресало (железо)	+	+	-
7	Наконечник дротика (железо)	+	-	-
8	Наконечник стрелы (железо)	+	+	+
9	Рыболовные крючки (железо)	+	+	+
10	Ножи (железо)	+	+	-
11	Точильный брусок	+	-	-
12	Стеклянная бусина	+	+	+
13	Стеклянные браслеты	+	+	-
14	Глиняная бусина	+	-	-
15	Шифрное пряслице	+	+	-

16	Рыболовные грузила (глина)	+	+	+
17	Глиняная игрушка (олець)	+	-	-
18	Пробой (железо)	+	+	-
19	Цепи (железо)	+	-	-
20	Обручи (железо)	+	-	-
21	Ключи от тр. замка (железо)	+	-	-
22	Серп (железо)	+	+	-
23	Конские подковы(железо)	+	-	-
24	Обуглявшиеся зерна пшеницы и ячменя	+	+	+
25	Боевые топоры (железо)	+	+	-
26	Кольчи от кольчуги	+	-	-
27	Подковы, стрелы , удила	+	+	+
28	Височные кольца	+	-	-
29	Булавки-фибулы (бронза)	+	+	+
30	Перстни на бисопе и бронзы.	+	+	-
31	Кресты церковные	-	-	-
32	Медальоны с изображением Св. Георгия	+	+	+
33	Пряжки	-	+	+
34	Пинцет	-	+	-
35	Жернова	-	+	-

Альманах "На берегах Бастрой Сосны", №5, г.Ливны, 2000г. раскопщика С.Д., раскопщик Л.Н., археологические находки Археологич. Орловской области". Орел, 2006 г.С. 189 - 196

Торопина Н.А. "Елеураи земля в 12 - 15 ав.", г.Елец,1999 г.С. 38 - 80

Интернет

Интересно совпадение характера заселения Ключевского и Лавского городищ. Их территория слабо насыщена находками, что говорит о том, что эти городища не имели плотной застройки, что характерно для сторожевых крепостей южнорусского порубежья. (35, с. 76).

Эти раскопки дают основание утверждать, что древняя Ливна, как, впрочем, и Елец, и Ксизово, были основаны рязанцами, которые, в свою очередь, имели черниговские корни.

В глубокой древности на территории нынешней Рязанской области обитали угро-финские племена. В верхнем течении Оки жили вятичи, далее других славянских племен продвинувшиеся на восток. Шаг за шагом тесня угро-финнов, вятичи упорно шли на восток солнца и постепенно заняли все Поочье. Местное дославянское население, не ушедшее с этих земель, ассимилировалось с вятичами.

В 964 году киевский князь Святослав пришел с дружиной в землю вятичей и обязал их платить дань Киеву. Однако вятичи не спешили покориться власти чужеземцев, и в 981 году сын Святослава Владимир совершил поход в Поочье, «вятичи победи и возложи на ня дань, от плуга, яко же и отец его имаше». Через год Владимиру снова пришлось приводить их к покорности. Постепенно население средней Оки вошло в сферу влияния киевских князей, и Рязанская земля стала частью древнерусского государства. Первые же города появились здесь спустя столетие. Самое многолюдное поселение возникло недалеко от впадения в Оку реки Прони (ныне - городище Старая Рязань). О значительных размерах этого древнего поселения говорит тот факт, что найденный здесь могильник занимает площадь более 4 гектаров.

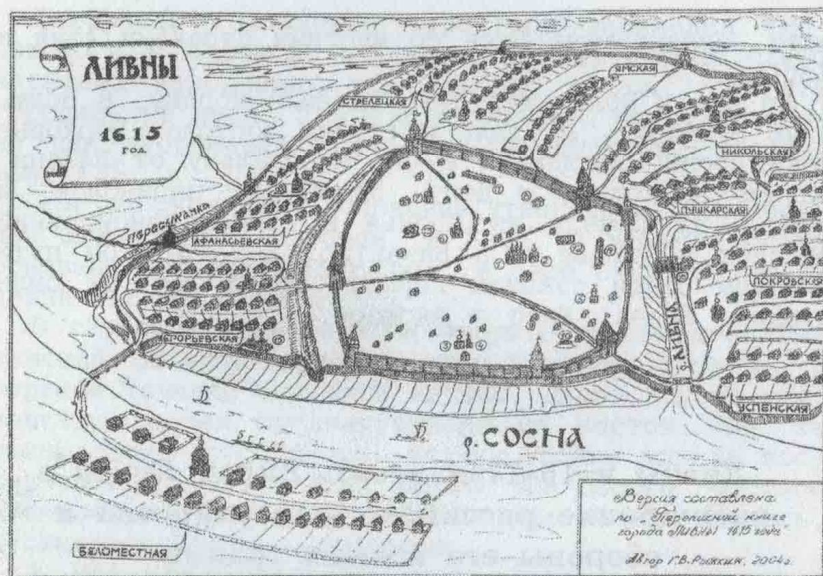
Впервые Рязань упоминается в «Повести временных лет» под 1096 годом. Фактически с момента основания город набирал силу, укреплялся и благоустраивался, становясь одним из крупных культурных и торговых центров Древней Руси. Этому в немалой степени способствовало и его выгодное географическое положение. Через Рязань, расположенную на самом южном изгибе Оки, проходили торговые

пути, связывающие Русь со многими странами Азии и Европы.

По Оке и Волге шел путь в земли мордвы, в Волжскую Булгарию, в Итиль и страны Востока. Верховье реки Прони, впадающей в Оку неподалеку от Рязани, близко подходило к Дону. Здесь был переволок, и водные пути вели из Поочья в Азово-Черноморский бассейн и дальше - в Византию. Вот на этом пути рязанцы стали ставить города, среди которых были древние Ливна, Елец и Аксюзов.

Ливны в 16-17-м веках. Вклад Ливен в расширение российского государства и обороны его южных границ

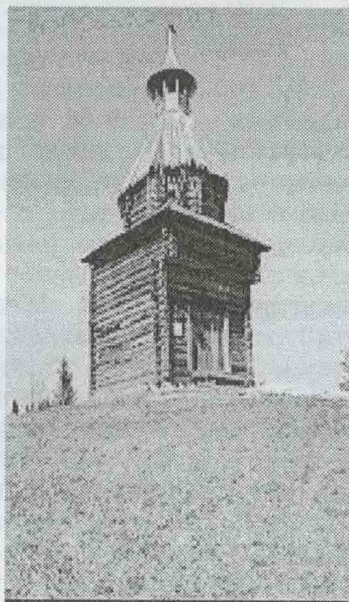
Как справедливо отмечают многие исследователи, история обороны южного порубежья России еще далеко не исследована. Это героические, трагические и вместе с тем романтические страницы прошлого нашей Родины и нашего народа. Именно на волне присоединения южных земель к Московскому государству возродились Ливны на нынешнем месте. Первым после долгих лет забвения на наши места обратил внимание Иван IV. Деяния Ивана Грозного достаточно известны, об этом много написано. Укрепление царской власти внутри страны неизбежно влекло за собой укрепление внешних границ, определение пределов властвования тирана, четкого их закрепления. Это вынудило царское правительство в 70-х годах 16-го столетия, в том числе, устроить заново охрану южной границы государства. А положение с южными рубежами Московского государства было к тому времени таково, что граница эта просто-напросто официально закреплена не была. Большие территории к югу от Москвы были практически в совместном пользовании татар и московитов. Наступило время, по мне-

надо было четко определить границы его государства, его власти.

С этого времени и начинается новая история Ливен, тесно связанная с распространением границ и приобретением южных земель Московским государством. Территория современного Ливенского района в конце XVI века находилась в области так называемых «польских городов», или «городов на Поле». Пределы «Поля» того времени были весьма обширны и не вполне определены.

В первой половине и в середине XVI в. крайним русским городом, вплотную примыкавшим к «Полю», была Тула. В районе Тулы «Поле» особенно близко подходило к

Сторожевая башня на южной границе Русского государства. 17-й век.

столице Русского государства – Москве, оно началось сразу же за Тулой.

С 1571 г. «на Поле» стала постоянно действовать общероссийская сторожевая служба, были точно определены, места сторож, пути станичных разъездов. В феврале 1571 году в истории Московского государства произошло знаменательное событие – принятие первого нормативного акта, регламентировавшего пограничную службу. Вступил в силу «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», значение которого бесценно тем, что его положения дают нам представление о цели и задачах, структуре, порядке организации, подготовки, несения и учета службы по охране границы в XVI-XVII веках.

Подготовкой текста этого приговора занимался 60-летний князь Михаил Иванович Воротынский. В январе 1571 года он собрал в г. Москве станичных голов (командиров), опытных рядовых стражей, казачьих атаманов, старых и увечных ветеранов и даже бывших пленников татар. Словом, тех, кто знал эту непростую службу, повадки врага и мог дать дельный совет. Итогом полуторамесячного коллективного обсуждения стал вышеназванный документ.

Цель сторожевой и станичной службы на южных рубежах определялась в оповещении властей о нападении кочевников и отражении мелких набегов врага. Ставилась задача – нести службу в местах, удобных для обнаружения противника, безопасных для нарядов и обеспечивающих первичную защиту населения.

Конечно, сторожи были на южной границе и раньше, но вся эта служба не была упорядочена. Среди существовавших в 1571 году на южной границе 73 сторож была сторожа на реке Сосне усть Ливен, на которой стояло 10 человек из пяти соседних городов: Данкова, Елифани, Дедилова, Новосили и Мценска. (31, с.39).

В это время сторожам в районе бассейна реки Сосны Москва уделяло особое внимание. Особенно значимой считалась сторожа на Сосне усть Ливны на том месте, где расположен сейчас город Ливны. Связано это было с тем, что возле этого места сходилось несколько татарских сакм, дорог, по которым они

Иван IV Васильевич (Иван Грозный) 1530-1584
Великий князь Московский в 1533-1584
Русский Царь в 1547-1584

шли на Москву. Здесь встречались Муравский, Изюмский и Калмиусский шляхи. Поэтому в 1575 г. было принято решение о создании на этом месте новой общероссийской сторожи «на Сосне усть Ливен», причем под командованием воеводы, а не стоялого головы. Первым воеводой на Сосну был послан в 1575 г. М. Д. Карпов. Вместе с ним на все лето были отправлены станичные головы, станичники, вожи и сторожа. Для размещения служилых людей и обеспечения нормального функционирования не просто сторожи, общероссийской сторожи, людьми Карпова на высоком берегу Сосны был построен малый остро-

жек, который впоследствии стал ядром нового города-крепости на реке Сосне.

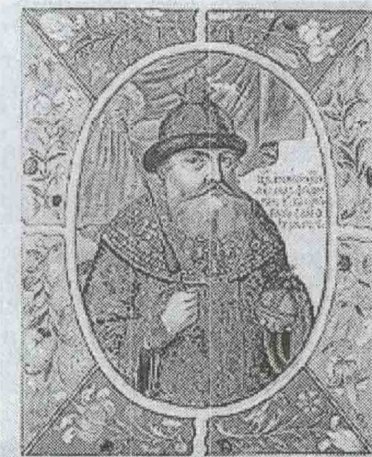
Общероссийская сторожа во главе с воеводой «на Сосне усть Ливен» была сохранена и в следующем 1576 году. Воеводами «на Сосну» были назначены князь Иван Охлябинин и Михайло Назарьев, идти им туда предлагалось с ратными людьми из Новосили. Общероссийский пограничный пост, сторожа, «на Сосне усть Ливен» просуществовал 2 года и была разгромлена татарами. А постройки острожка сохранились, в том числе и церкви. Так при Иване Грозном начинает возрождаться поселение в районе древних Ливен. Пясецкий справедливо замечает, что «... не

подлежит сомнению, что город Ливны, после долгого исчезновения из памяти истории, возван был к новой жизни царем Иоанном Васильевичем...» (31, С. 41). Об острожке мы можем сказать, что, скорее всего, он был заложен в июне 1575 года. А вот крепость Ливны начали строить на базе малого острожка, вернее всего, в октябре – ноябре 1585 года.

Началась новая жизнь Ливен уже как города, существование которого не пресекалось до наших дней. В конце XVI века, преддверии смуты в государстве, Ливны были на передовых рубежах Московского государства, обеспечивая охрану его границ. Это и определяло облик Ливен – это был город служилых людей, сосредоточенных в основном на военной деятельности.

В начале XVII века Ливны стали одним из центров движения народных масс, охватившего южные, юго-западные и центральные районы государства. В ноябре 1604 года, когда польские отряды Лжедмитрия I двигались на Москву, в городе вспыхнул антиправительственный мятеж. В период польской интервенции Ливны переходили не один раз то в руки правительственных войск, то в руки сторонников самозванца, однако в переломный момент истории России, когда решался вопрос ее существования как государства, ливенцы выступили в составе войск Минина и Пожарского.

Ополчение Пожарского, очистив Москву, должно было заключить свою победу избранием царя, для чего Пожарский призвал по 10 выборных от каждого города. В пятьдесят российских городов князь разослал

Михаил I Федорович Романов (1596 – 1645).
Русский Царь с 21 февраля 1613 по 12 июля 1645

приглашения для выборов, прося «..прислать для царского выбора людей «лучших, крепких, и разумных». Ливны вошли в число этих пятидесяти городов. По результатам собора была оформлена избирательная грамота об избрании на царствование 17-тилетнего Михаила Федоровича Романова. Под этой исторической грамотой за всю ливенскую делегацию подписался «с Ливен выборный Егорьевский поп Гаврило».

При новом царе, как, впрочем, и в течение всего 17-го века, Ливны пережили не один набег татар и прочих любителей поживиться русскими богатствами. Все это время Ливны были военным городом, защищавшим границы Московского государства, рас-

плачиваясь за его благополучие ценой тысяч жизней ливенских служилых людей и гражданского населения.

Сразу после вступления на престол Михаила Федоровича посягательства на Московское государство участвовали. Поляки, шведы, крымские татары, литовцы; малороссийские и донские казаки устремлялись на его земли, пытаясь поживиться тем, что еще осталось на многострадальной земле после разграбления ее предыдущими захватчиками. Пути многих из этих налетчиков пролегали через Ливенский край. Была настоятельная необходимость выдворить непрощенных гостей за пре-

Г.И. Угрюмов. Избрание М.Ф. Романова на царство.

делы государства.

Против одной из таких групп польского авантюриста Лисовского в 1614 году, в руках которого был

Орел, героически сражались ливенцы под предводительством воеводы Степана Исленьева. Он был товарищем знаменитого воеводы Пожарского Д.М., руководившего этой операцией. Поначалу сражение с Лисовским складывалось неудачно для людей Пожарского. Но благодаря его опыту и храбрости, самоотверженным действиям возглавляемого им войска, в составе которого были и ливенские служилые люди, Орел был отбит у поляков.

В конце 1616 года 300 ливенских детей боярских и 300 казаков под руководством князя Пожарского Д.М. участвовали в обороне Калуги. (31, с. 95). В этой битве в распоряжении Пожарского было 5400 человек. Выходит, что девятую часть войска под Калугой составляли ливенцы. Бои были очень упорные и кровопролитные. Почти все ливенцы полегли в боях за Калугу.

В 1618 году польский королевич Владислав в очередной раз попытался водвориться на московский престол. В помощники себе он взял гетмана Коношевича-Сагайдачного. Зная малочисленность воинских гарнизонов пограничных городов, подданный польского короля украинский гетман Коношевич-Сагайдачный собрал 20-тысячное войско и выступил в поход на Москву. Запорожские казаки (черкасы) неожиданно заняли и опустошили Путивль, Рыльск, а затем, пройдя севернее Курска, двинулись на восток, к Ливнам. Под стенами города произошло сражение. Ливенцы оказали ожесточенное сопротивление, но силы оказались неравными: по росписи 1618 года в ливенском гарнизоне насчитывалось всего 940 человек. Запорожцы приступом взяли крепость, захватили в плен первого воеводу Никиту Ивановича Егупова-Черкасского, а второй – Петр Прокофьевич Данилов пал в бою. В этом сражении погибли многие ливенцы, защитники крепости.

«Ливенское разорение» нашло свое отражение в летописях. Вот как изображено побоище под Ливнами в Бельской летописи: «А пришло он, пан Саадачной, с черкасы под украинной город под Ливны, и Ливны приступом взял, и многую кровь христианскую пролил, много православных крестьян и з женами и з

детьми посек неповинно, и много православных христиан поруганья учинил и храмы Божия осквернил и разорил и дома все христианские пограбил и многих жен и детей в плен поимал».

Ливны были полностью сожжены. Но уже «...в следующем же году после «запорожского разорения» Ливны были срублены заново. Новый город был бледной тенью предыдущего. Он уступал ему и в силе укреплений, и в количестве церквей, и в численности населения...

Воевода Григорий Измайлов, восстанавливавший город, отстроил только укрепления кремля – Малого острога, стены же Большого острога восстанавливать не стал, по-видимому, из-за отсутствия денег, леса и людей. Позднее по их трассе поставили плетни и надолбы. Конечно, это были неважные укрепления, но против крымских татар, которые города брать не умели, вполне было достаточно и этого». (27, сс. 84 – 85).

А Сагайдачный продолжил поход на Москву. И осадил ее вместе с войсками королевича Владислава. В обороне Москвы от войск Сагайдачного и Владислава участвовали и ливенские казаки. Многие из них сложили голову под Москвой. Несколько ливенских казаков, в этой битве оставшихся в живых, за самоотверженные действия в оборонительных боях под Москвой впоследствии были пожалованы вотчинами в Ливенском уезде. Этой награды от царя удостоились Третьяк Романов, Гришка Бесланов, Осип Харитонов, Василий Бурков, Степан Лукьянов, Богдан Васильев и некоторые другие казаки. (31, с. 95 – 96). В этом же году продолжались набеги татар на Московское государство. И от них страдали ливенцы. В писцовых книгах есть сведения о нескольких ливенских помещиках убитых и взятых в плен татарами. (31, с. 97).

Хотя в 1619 году город Ливны был в основном восстановлен после разгрома его черкасами, однако свой прежний вид он приобретал еще в течение нескольких лет, заодно обороняя московскую землю от набегов татар.

В 1619 году при воеводе Г.В. Измайлове ливенский гарнизон состоял из 541-го воина. В 1618 году

было 940 человек. Однако это не мешало ливенцам достойно охранять границы государства. В 1623 году с Ливен ставилось уже 17 сторож, которые перекрывали около 200 верст границы. (31, с. 101).

В 1625 году Ливны полностью оправились от погрома 1618 года. Гарнизон тоже восстановился и состоял из 916 человек. (31, С.107). Летом 1625 года крымские татары неожиданно напали на уезд. Переправившись через Телячий брод (возле села Теличье), татарская конница продвинулась до речки Труды, но здесь ее встретили казаки, которых возглавлял казачий голова Порфирий Гринев. Несмотря на численное превосходство крымских татар, воеводы Андрей Измалков и Даниил Яблочков у Кирпичного брода (возле ОАО «Ливгидромаш»), а Порфирий Гринев у реки Труды смело вступили в бой, который продолжался до позднего вечера. Ночью, воспользовавшись темнотой, татары ушли из Ливенского уезда на север.

В июле 1628 года полутысячный татарский отряд с награбленной добычей и пленными, уводимыми в рабство, возвращался в Крым после разорения Новосилия и южных окрестностей Ливен. На реке Фощне его настиг отряд ливенских пограничников. В кровопролитном бою ливенцы наголову разбили грабителей, отобрали у них наворованное добро и освободили пленников.

В 1628 в Ливнах находилось 939 человек. Если учесть, что женщин и детей в те времена не учитывали (они под понятие «человек» не попадали), то можно предположить, что в Ливнах в 1628 году проживало около 2000 человек. Среди перечисленных мужчин, кроме 119-ти крестьян и 24-х священников, все были воинами – 796 человек. Все это воинство в основном обслуживало в быту и на службе само себя, но были в городе уже и те, кто специализировался на оказании услуг как по содержанию и ремонту оружия, сбруи для лошадей, так и в обслуживании простых житейских потребностей ливенцев, которые жили в делах и заботах о защите государства российского от набегов татар.

Ливны, по нынешним понятиям, представляли из

себя гарнизон пограничников. Управлял Ливнами воевода. В том году в городе сменилось три воеводы. До 28 февраля 1628 года городом правил стольник Ф.В. Клепиков – Бутурлин, сменил его Л.И. Писарев. А со 2 июня и до конца года воеводил на Ливнах И.С. Рогозин. В начале года воевода Федор Клепиков – Бутурлин, посылал своего заместителя И. Рогозина, который сам стал воеводой на Ливнах, на татар. Вылазка прошла успешно, ливенцы взяли в плен 53 неприятельских воина.

С. Иванов. «На южном рубеже»

Ливенское направление охраны границы в эти годы постоянно укрепляется. В 1629 году численность гарнизона увеличивается до 1419 человек, в 1630 – до 1491 человека. Наибольший состав Ливенского гарнизона приходится на 1631 год, когда в Ливнах слу-

жило 1556 человек. (31, С.108).

В 1632 году на долю ливенских пограничников выпали очень тяжелые испытания. В апреле 1632 года умер польский король Сигизмунд. Правительство царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета увидело в этом удобную возможность для пересмотра условий перемирия. Было решено предпринять попытку отвоевать потерянные в Смуту земли, а в первую очередь – Смоленск и Дорогобуж. В августе 1632 года русской рати сопутствовала удача, но осада Смоленска затянулась. Это дало полякам время собраться с силами и окончить выборы нового короля, которым стал Владислав, сын умершего Сигизмунда. Во главе крупной армии он двинулся на выручку гарнизону Смоленска. Одновременно к вторжению в московские пределы были побуждены крымцы и черкасы. С Польшей шла Смоленская война, на которую из Ливен в течение 1632 и двух последующих лет было мобилизовано около 500 пеших ратников и до 150 казаков конных. В Смоленском походе погибла почти вся ливенская дружина. Из 500 пеших ратников в Ливны вернулось только 150 человек. (31, С. 108).

Однако война на Западе не отменяла для ливенцев борьбу с набегами татар. В том же 1632 году их было немало. Уже в апреле-мае 1632 года татары массами двигались на Русь по всем шляхам. То и дело воеводам приходят вести о стычках с кочевниками. В июле же по Изюмскому шляху на Русь хлынула двадцатитысячная орда. Вскоре весь край потрясла трагедия в Савинской дубраве. Семьсот ливенских детей боярских и казаков под началом головы меньшого Гринева бились с крымцами в 50 верстах от Ливен. Ордынцы потеряли до тысячи человек убитыми. Но и 300 ливенцев во главе с храбрым Гриневым пали в бою. Прочих ратников, израненных и обессилевших, татары угнали в полон. После этой страшной битвы крымцы повернули на Курский и Белгородский уезды. Так погиб цвет ливенского дворянства, однако продвижение ордынцев в глубь России было остановлено.

Эта битва была лишь одним из эпизодов того бурного времени. Довольно подробно эта битва описана Загоровским В.П.: «3 августа 1632 года под Савин-

17-й век. Оборонительный бой казаков

ской дубравой отряд из 700 ливенцев – детей боярских и казаков встретился с огромной массой татар (татар было 15-20 тысяч). Тяжелый бой продолжался полдня. Татарам удалось окружить ливенцев. 300 русских воинов погибло, остальные попали в плен. Уничтожено было и много татар – до 1000 человек... Савинская дубрава находилась в промежутке между реками Тимом и Кшенью, татары просто не могли пройти мимо, русский отряд стал у них на пути.

Если татары хотели идти дальше, в глубь России, у них не было другого выхода, как вступить в бой с русским заслоном... Но ливенцы стремились закрыть татарам путь на север, и мы не можем не испытывать уважения к их мужеству.

Под Савинской дубравой погибло или попало в плен большинство служилых людей Ливенского уезда». (16, с. 66-67). Так что нам, потомкам тех ливенцев, надлежит помнить и гордиться тем, как в 1632 году у села Красная поляна бились за родину ливенцы.

Оставшиеся в большинстве своем безымянными, служилые люди южнорусской окраины стали подлинными преемниками былинных богатырей земли русской.

Как видно из истории, в 30-х годах 17-го столетия молодое Московское государство было вынуждено решать свои внешнеполитические проблемы преимущественно военным путем. Главное направление усилий по решению этих проблем находилось на западе, где шла война за Смоленск, долгое время находившийся под властью Польши. Основные силы отвлекались туда. Но достичь успеха там не удалось. Отвлечение войск на западное направление неизбежно привело к ослаблению южной границы государства. Полевая окраина на Юге была заселена фрагментарно, что оставляло возможность для воровских набегов татар. Население этих земель, к которым относился и Ливенский край, было практически предоставлено самому себе. Правительство не особо заботилось об обороне южных рубежей и ограничивалось традиционной сторожевой службой. Однако Смоленская война показала, что нельзя решать важные внешнеполитические задачи, не поставив заслон татарским набегам на Юге.

Нельзя сказать, что защите южной границы Московского государства вообще не уделялось внимания. В XVI-XVII вв. на южной границе Московского государства для защиты от набегов крымских и ногайских татар была создана система инженерных оборонительных сооружений – «Большая засечная черта». Создание Большой засечной черты обеспечило охрану приграничного населения, постепенно отодвигая линию обороны к югу. Однако к 30-м годам 17-го столетия, когда территориальные притязания москвитов распространялись все дальше и дальше на Юг, «Большая засечная черта» уже не выполняла функции защиты новых территорий от набегов татар. Ведь формирование «Большой засечной черты» происходило на базе городов Венев, Тула, Одоев, Белев, Лихвин, Козельск, которые стали основными опорными пунктами большой засечной черты. Эти города находились значительно севернее созданных в конце 16-го века городов-крепостей Елец, Кромь, Ливны,

Воронеж, Оскол, Белгород и Курск. Большая засечная черта не могла защитить территорию, на которой находились новые города. Поэтому было принято решение о строительстве на юге Белгородской черты — системы укреплений, которые могли бы препятствовать набегам татар на новые южные территории, которые Московское государство считало своими еще со времен Ивана Грозного. Надо было обеспечить нормальное хозяйственное развитие этих земель, которые могли существенно пополнить казну развивающегося государства. Новая укрепленная линия, под названием Белгородской черты была построена в 1635–1658 гг. Она представляла собой систему крепостей острогов, земляных валов, лесных засек. Черта про-

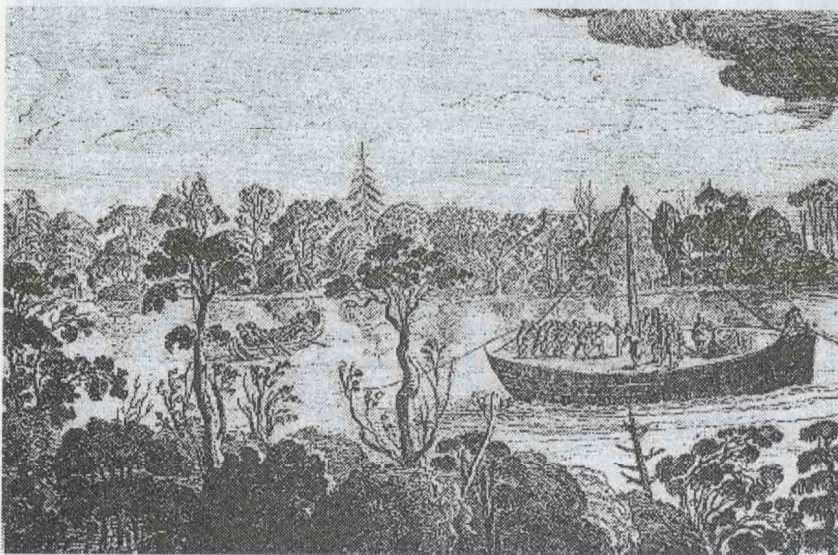
шла по территории нынешних Сумской, Белгородской, Воронежской Липецкой и Тамбовской областей, начиналась у г. Ахтырки, заканчивалась городом-крепостью Козловом (Мичуринск)

На Белгородской черте были следующие крепости: Хотмыжск (1640 г) Карпов (1646 г), Болховец (1646 г.), Белгород (1596 г.) Нежегольск (1654 г), Короча (1638 г.), Яблонь (1637 г.). Новый Оскол (1647 г.), Верхососенск (1647 г.), Усерд (1637 г), Ольшанск (1644), Острогожск (1652), Коротояк (1647), Урыв (1648), Костенск (1642), Воронеж (1585), Орлов (1646), Усмань (1645), Белоколодск (1663), Романов, Сокольск (1647), Добрый (1647), Козлов (1635), Бельский (1636), Челновой (1636).

Создание Белгородской черты существенно повысило безопасность Ливен. Так участок этого оборонительного сооружения между Карповом и Белгородом пересекал Муравскую дорогу татар, крепость Яблонь — Изюмскую, а участок Усерд — Ольшанск — Кальмиусскую дорогу, то есть эти крепости были поставлены на основных направлениях движения, по которым татары долгие годы ходили к Ливнам и дальше на север.

Ливенцы активно участвовали в строительстве городов Белгородской черты и ее укреплений. Они по разнарядке свыше переселялись вместе со служилыми людьми других городов во вновь построенные города Белгородской черты и становились основой их гарнизонов. Например, «На лето в Усерд присылались (на строительство укреплений — Ю.Б.) дети боярские, стрельцы и казаки из других городов. Так в 1642 году туда было прислано 340 служилых людей: 200 московских стрельцов, 25 детей боярских из Ельца и столько же из Ливен, 50 конных казаков из Воронежа и 15 из Пронска». (16, с. 103). Сто полковых ливенских казаков участвовали в строительстве земляного вала на реке Разумной и в районе строительства г. Нового Оскола.

Наличие новых городов южнее р. Оки позволило, начиная с 1646 года, выдвигать войска, которые ежегодно дислоцировались у р. Оки, в район новой укрепленной линии. Однако расположить войска в го-

Русский струг. (по А.Олеарию).

родах Белгородской черты сразу не получилось. Войска в 1646 и 1647 годах были расквартированы в промежуточной, между старой и новой, позициями: «..полки дворянской конницы располагались в Ливнах (большой полк), Курске и Ельце. Воеводой большого полка был князь Г.С. Куракин». (16, с. 125). Такая обстановка сложилась потому, что новые города были слабо заселены и их инфраструктура не могла обеспечить нормальное несение службы войсками. Так в 1646 году «..Ливны стали главным стратегическим пунктом относительно обороны украины». (31, с.121).

Почти все города на Белгородской черте заселялись с большим трудом. Так «..из Ливен нужно было переселить в Царев – Борисов (позднее переименован в Новый Оскол -Ю.В.) и его пригороды 280 человек (100 детей боярских, 160 казаков, 20 стрельцов), из Ельца - 30 человек.., из Оскола – 183 человека.. Правительство требовало, чтобы воеводы выбирали для переселения на черту «семьянистых» служилых людей, таких у, «у кого сына по два и по три и

больше»... города (старые – Ю.В.) теряли по 30 – 40% своего населения». (16, с.127). На новом месте переселенцам приходилось с нуля обзаводиться хозяйством. Нажитое на старом месте пропадало. С собой взять было практически нечего. Это вызывало протест приборных служилых людей. Бегство из новых мест поселения было обычным делом. Так в 1647 году из Царева-Борисова к концу года из 1091 переселенца сбежало 296 или более 27%. А в Верхососенске из 395 человек осталось только 54 ратника. (16, с. 125). Положение служилых людей было незавидным. Они неоднократно обращались к самому Государю с просьбой об облегчении их доли. Так, в 1661 г. Ливенцы отправили царю челобитную следующего содержания: «Царю государю ... бьют челом бедные и беспомощные, одинокие обвоеванные, разоренные ливенцы детишко боярские всем городом. Просим государь в силу своей бедности не посылать нас носить вести из Белгорода через Оскол в Ливны, т.к. до Ливен пешими многие не доходят и гибнут из-за своей слабости и трудности пути». Царь пошел навстречу ливенцам, сократил расстояние для доставки вестей, и позволил носить вести до Оскола. Ливенцы, носившие вести служили в Белгороде. В том году было распоряжение государя давать жалованье служилым людям: дворянам и детям боярским по 50 руб., драгунам и солдатам по 25 руб., черкасам по 15 руб. (3, с. 473).

В Ливнах не только вели постоянную службу по защите границы, но здесь проводили и испытание новейших видов вооружения в боевых условиях. Так было с новым видом пищалей. В XVII веке процесс заряжания орудия был долгим. Царские оружейники сделали новый вид скорострельных пищалей. В бою скорострельность пушек была способна нанести противнику ощутимый ущерб. Проблему увеличения темпа стрельбы в те годы пытались решить созданием «органов» или «сорок» – многоствольных пищалей, имеющих три и более стволов. В Европе многоствольные пушки, как попытки к осуществлению идеи пушечной скорострельности, появились в XV веке, в России «сороки» стали делать примерно с середины XVI сто-

Конец 17-го века. Вид на Ливенский кремль со стороны устья рек Сосна и Ливны. Реконструкция Неделина В.М.

летия. Особенность «органов» состояла в том, что стрельба из стволов производилась поочередно: огонь переходил по пороховому каналу от одного запального отверстия к другому. В основном такие «пулемёты» использовали для отражения стремительной атаки противника. Поражаемый сектор от «системы залпового огня» был значительно больше, чем от обычного картечного выстрела. В 1646 году сделанные Х. Рьльским «органки и пушечки на образец» были отправлены вместе с мастером на Ливны «для скорого походу против... государевых недругов, крымских и ногайских людей». (19).

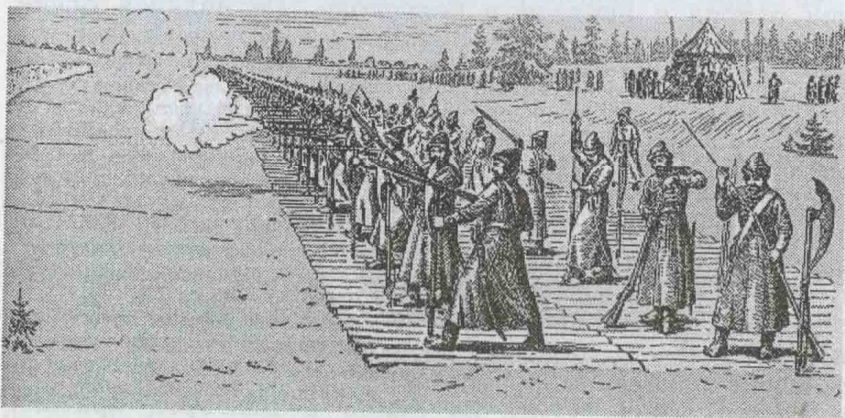
В эти годы ливенская крепость стала главным узлом обороны на юге страны, ее знала и уважала вся Русь, ливенская крепость получила общегосударственное значение. Ливны располагали и значительной для пограничного города-крепости артиллерией. В 1648 году в крепости насчитывалось 150 пищалей разных калибров, 1585 ядер и около 1000 пудов пороха.

Из Ливенской крепости посылались донские отпуски – отправки на судах донским казакам «царского

жалованья», главным образом хлеба, денег, оружия, боеприпасов. Они эпизодически осуществлялись с конца XVI века, а с 1613 года стали регулярными, ежегодными. Целью донских отпусков было постепенное подчинение вольных донских казаков царскому правительству. Размеры донских отпусков не являлись постоянными, они зависели от обстановки на Дону, от выполнения или невыполнения казаками заданий правительства. Так, в 1648 году на просьбу донского атамана Максима Пещурова обеспечить казаков вооружением, царь Алексей Михайлович приказал ливенскому воеводе из крепостных запасов послать на Дон 100 пудов пушечного пороха, а также 300 пудов свинца. Это снаряжение было погружено на речные суда и отправлено по назначению. Кстати, суда, на которых перевозились эти припасы, строились в Ливнах. Строительство речных судов было государственной повинностью ливенских детей боярских (5, с.73).

Во второй половине XVII века в России завершилось создание разрядов (военных округов) и разрядных полков. Среди других был образован Белгородский разряд с центром в Белгороде. Он являлся одним из крупных и по территории (свыше 60 городов) и по численности ратных людей (23 тысячи). В 1658 году Белгородский разряд имел в своем составе Большой полк белгородского воеводы, полк первого товарища, полк второго товарища. Каждый полк объединял части драгун, рейтар, пехоты (солдатские полки). 38 южных городов, а всего 44 города, делегировали своих служилых людей в состав созданного полка. Вклад Ливен в формирование Белгородского полка был одним из самых значительных. 939 ливенцев влились в ряды нового военного формирования, тогда как в среднем остальные города направляли по 438 воинов в Белгородский полк. Из Ливен в Белгород прибыли 176 детей боярских, 196 рейтаров, 459 драгун, и 108 «старых солдат». А всего численность полка составила в 1658 году 19252 человека. «Белгородский полк делился на три части: «большой полк» белгородского воеводы – 10277 чел., «полк первого товарища» – 5232 чел. И полк «второго товарища» – 3743 чел.» (16, с. 154-155).

Воины белгородских полков не раз участвовали в походах и в боях за освобождение Украины от ига польской шляхты, в 1673 году они сражались вместе с украинцами против войск султанской Турции. Свой вклад белгородцы внесли в разгром турецкой крепости Азов (1699 г.). Белгородские полки отражали удары шведской интервенции, организованной королем Карлом XII. В 1709 году армия иноземцев подошла к Полтаве. В Белгород прибыл Петр I. Началась подготовка к большому сражению. Под Полтаву были выдвинуты среди других и два белгородских полка – пехотный и драгунский. 27 июня 1709 года пехотинцы, заняв выдвинутые вперед редуты (земляные укрепления), отразили первый натиск шведов, внесли замешательство во вражеские войска, чем содействовали нашей победе в Полтавской битве. В составе Белгородского полка ливенцы участвовали во всех этих сражениях. Громили турков, брали Азов, участвовали в покрывшей русское воинство неувядаемой славой битве под Полтавой.

17-й век. Смотр стрельцов.

Во времена существования Белгородского полка значение Ливен как одного из военных центров Юга не ослабевало еще несколько лет. Не случайно иногда смотры войск Юга проводились в Ливнах. Так 10 июня

1653 года в таком смотре участвовали боевые формирования из Ливен, Ельца, Новосили, Ефремова, Талицы и Чернавы. Отвлечение большей части ливенского гарнизона на борьбу с поляками и шведами после присоединения Украины к России в 1654 году привело к тому, что татары вновь начали тревожить жителей Ливенского уезда. Во время их набегов в 1660 году пострадали все станы уезда. Более 10 сел и деревень были разграблены крымчанами, а их жители убиты или взяты в плен.

Переход жителей Ливенского края к мирной жизни происходит в 70–80-х годах XVII века после крымских походов князя В.В.Голицына, когда угроза татарских погромов была снята. Как раз в 1678 году была составлена очередная переписная книга по Ливнам и Ливенскому уезду, из которой следовало, что в Ливнах на службе у царя числилось 2569 человек, а все мужское население Ливенского уезда насчитывало 5213 человек. Учитывая другие сословия и лиц женского пола, в ливенском уезде проживало в конце 17-го столетия не менее 11000 человек. (31, с.148 – 149). В 1681 году Ливны потеряли значение пограничной крепости и стали рядовым городом Центральной России. По берегам Сосны и вокруг города шло усиленное заселение земель жителями центральных районов России, а также беженцами с Украины.

За весь 17-й век жертвы, которые принесло население Ливенского уезда на алтарь централизованного русского государства, поражают своими размерами. Количество ливенцев, участвовавших в различных сражениях 17-го века и погибших за Родину исчисляются тысячами. В иные годы в боях с врагами погибало и оказывалось в плену более половины всего населения города Ливны. А что такое тысяча человек в то время, когда все население Московского государства не превышало 10 млн. человек? Она равносильна всему количеству погибших ливенцев за все годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов.

Поэтому подвиг ливенцев, совершенный ими в 17-ом столетии во благо нашей Родины, и сегодня стоит в одном ряду с другими событиями, являющимися гор-

достью российского воинства. Этот вклад ливенцев в становление российского государства по праву следует считать первой страницей истории города Ливны, как города Воинской Славы.

Воеводы на Ливнах в 16-м веке

Рассматривая историю Ливен конца 16-го века, первых годов существования города как крепости на южной окраине Московского государства, нельзя не сказать о тех людях, которые руководили освоением земель Ливенского края в то время. Первым лицом в этом деле считался, несомненно, воевода,

С.В. Иванов. Приезд воеводы.

практически получавший от правительства неограниченную власть. Военно-административные обязанности он сочетал с дополнительными. Ливенский воевода следил, чтобы «не было непристойных речей про государя», провинившихся сажал в тюрьму, наблюдал, «чтобы люди вина не курили, в летнее время в великие ветры изб и мылен не топили». Его подчиненные разыскивали «зажигальщиков пожаров», отвечали за то, чтобы «пороха, свинца, вина и других заповедных товаров на Дон не провозили».

Ливенские воеводы, как впрочем и воеводы других «польных» городов, во все времена отличались жадностью и взяточничеством. Подношения были обычным делом. Для учета взяток велись даже специальные книги. Обращаясь к воеводе, его подопечные несли, кто что мог. Иначе с ними просто не желали говорить или беседа принимала нежелательный поворот. Да и как можно было просто так появиться пред очами администратора, если каждый знал, что воевода лично набирает войска, «разверстывает службу между служилыми людьми», рассматривает государственные преступления, может арестовать, казнить или помиловать, наградить землей, лесом и рыбной ловлей, либо все отобрать... При смене воевод в городе зачастую возникали и конфликтные ситуации. Один хотел продлить свое воеводство, ибо хорошо наживался от взяток и прямого грабежа ливенцев. Другой спешил этим заняться.

Часты были жалобы воевод, что их сменяют на один-два месяца раньше срока, нередко были случаи и не сдачи города новому воеводе. Очень не любили воеводы вмешательства в свои дела, особенно людей не выше их по родовитости. Сложная пограничная жизнь вносила свои коррективы. Обладая большой властью, воевода ведал в Ливнах всеми сторонами местного управления - военной, административной, финансовой, судебной. Присутственным местом воеводы была съезжая или приказная изба, которая располагалась на территории крепости. Делопроизводством и хранением официальных бумаг ведали подьячие, численность которых не превышала 3 - 4 человека и лишь в конце 17-го столетия их число уве-

личилось до 10 - 14 человек. Должность их, как правило, передавалась от отца к сыну.

Помощником воеводы был осадный голова. Он должен был готовить город к осаде и руководить боевыми действиями во время нападения татар. В мирное время осадный голова ведал в городе артиллерией, ее личным составом - пушкарями, затынщиками, воротниками, казенным кузнецом и плотником. Обычно голова назначался из местных детей боярских, но в начальный период прибывал вместе с новым воеводой.

Это были государственные люди, благодаря которым новые земли Московского государства постепенно обживались и приносили доход государству. А служилые люди, руководимые воеводой, с риском для жизни защищали новейшие рубежи Московского государства.

Кто же они были? Сведений о них осталось немного. Да и не все фамилии их известны.

Первым воеводой на Сосну был послан Иваном Грозным в 1575 г. М. Д. Карпов. Но это было еще не основание города при впадении речки Ливны в Быструю Сосну, а размещении там на летнее время ратных людей с воеводой, которые по всей вероятности, и возвели тот малый острожек, который сохранился до начала строительства города-крепости Ливны на этом месте.

В 1576 году воеводами «на Сосну» были назначены князь Иван Охлябинин и Михайло Назарьев, идти им туда предлагалось с ратными людьми из Новосили.

Затем десять лет о назначении воевод на Сосну ничего неизвестно. А вот со дня основания города-крепости Ливны воеводы стали назначаться регулярно.

1585 - 1586 г.

Воевода - Кольцово - Мосальский Володимир;

Голова - Хрущев Лука Иванович. (32, с. 368).

Хрущевы - старинный русский дворянский род, ведущий свое происхождение от Ивана Ивановича Хруща, выехавшего из Польши в Москву в 1493 г., принявшего православие и именованного Хрущевым. Из восьми его сыновей, помещиков Тульского, Тарусского и Московского уездов, известен Лука Иванович, черниговский голова и воевода-участник нескольких

походов; он записал в 1547 г. речь Иоанна Грозного, произнесенную с Лобного места к народу.

Воевода - Боротянский Дмитрий при том же голове. (32, с. 374).

1587 г.

Воевода - князь Андрей Яковлевич Дашков. (32, с. 381).

Дашковы - русский дворянский род, происходящий от выехавшего в начале XVI века из Большой Орды в Москву «мужа честна» Дашка, получившего при крещении имя Даниила. Петр Григорьевич и Авксентий Яковлевич Дашковы, воеводы, за участие в московском осадном сиденье 1608 г. пожалованы вотчинами. Игнатий Денисович, выборный от алексинских дворян, подписал акт избрания на престол царя Михаила Федоровича (1613). Андрей и Василий Яковлевичи были думными дворянами при царях Федоре, Иоанне и Петре. Многие Дашковы были в XVII в. стряпчими, стольниками и воеводами на второстепенных воеводствах. (19).

Голова - Полтев Григорий. (32, с. 381).

1588 г.

Воевода - Бутурлин Иван Михайлович. (32, с. 384).

В 1574 г. нанес поражение крымцам и ногайцам в битве при Печерниковых Дубравах; затем он был воеводою в Новосиле, Болхове, откуда ходил походом под Венден (1578) и Лифляндию, в Смоленске, где разбил наголову литовцев Кмита (1580) и откуда совершил поход в Литву, Дорогобуже, Ржеве, Тарусе, из которой усмирял черемис, Калуге, опять Смоленске, Новгороде, Пскове, Рязани, Ливнах, Астрахани, Царицыне и снова в Астрахани. В 1604 г. Бутурлин был послан в Дагестан, в виду ходатайства грузинского царя Александра о присоединении Грузии к России. Заняв Тарки, он приступил к постройке крепости, но был осажден аварцами, кумыками, лезгинами и турками; укрепления были уже разрушены, и Бутурлину обещан свободный выход, но в степи он и все войско его было изменнически уничтожено. С ним вместе погиб и сын его Федор. (19).

Воевода - Милюков Иван Григорьевич. (32, с. 384).

Милюковы - дворянский род, происходящий, по преданию, от выходца «из немец» Семена Милюка, бывшего воеводой в сторожевом полку и убитого в Куликовской битве. Один из его внуков, Семен Иванович Милюков, по прозвищу Старый, был родоначальником Старово-Милюковых. Михайло Иванович Милюков был сокольничим и наместником трети московской (1506). В XVI и XVII столетиях многие Милюковы были полковыми и городовыми воеводами, стольниками и стряпчими. Род Милюковых внесен в родословные книги Московской, Орловской, Петроградской, Симбирской, Тверской и Тульской губерний (19).

Голова - Кульнев Михаил (32, с. 384).

Кульневы - русский дворянский род, известный с конца XV века и разделившийся на 4 ветви. Нечай Иванович Кульнев был воеводою в Белеве (1563), брат его, Григорий, - воеводою в Одоеве, наместником в Карачеве и воеводою в Астрахани (1575). Сын его, Михаил Григорьевич, был наместником в Карачеве (1584) и Болхове (1594). Представители другой ветви генералы - Иван Петрович Кульнев и младший брат его Яков Петрович Кульнев. (19).

Воевода - Иван Меньшой Коромышев,

Голова - Огарев Василий. (32, с. 398).

1589 г.

Воеводы - Бутурлин Иван Михайлович, Григорий Калединский, Князь Ондрей Волконский. (32, с. 402).

Волконские, русский княжеский род, происходящий от князя Михаила Всеволодовича Черниговского (умер в 1246), внук которого Иван Юрьевич, по прозвищу Толстая Голова, владелец городка Волконы, был первым князем Волконским. Он имел двух сыновей, Федора и Мстислава, убитых в Куликовской битве (1380). С начала XVI в. Волконские служили воеводами, головами и владели вотчинами и поместьями в Коломенском, Костромском, Тульском, Зубцовском, Белевском уездах. В XVII в. они служили стряпчими, стольниками, воеводами, послами, окольными; один из них, Федор Федорович, получил в 1650 боярство. (19).

Голова - Яковлев Дементий (32, с. 402).

1590 г.

Воеводы - Бутурлин Иван Михайлович, Князь Ондрей Волконский.

Воевода - князь Долгорукий Семен. (32, с. 429).

Долгорукие - княжеский род, Рюриковичи. Вели своё происхождение от удельных князей Оболенских, в свою очередь, восходивших к черниговскому князю Михаилу Всеволодичу, убитому в ставке Бату-хана (1246). Среди 5 его сыновей были: Семён, родоначальник князей Одоевских, Белёвских и Воротынских. Мстислав, от которого пошли князья Мосальские, Звенигородские, Елецкие, Горчаковы. Юрий, княживший в Тарусе, у которого было 2-е сыновей: Всеволод, родоначальник князей Борятинских и Мезецких, и Константин. У последнего был единственный сын - Иван, сын которого Константин получил в удел г. Оболенск на р. Протва (современная Калужская обл.). У Константина было 3 сыновей, младший из которых, Андрей, имел сына Ивана, по прозвищу Долгорукий. Его потомки и стали писаться князьями Долгорукими, сыгравшими большую роль в политической, военной и культурной истории России. (19)

1591 г.

Воеводы - Бутурлин Иван Михайлович, Князь Ондрей Звенигородский (32, с. 438).

Звенигородские - русский княжеский род, отрасль князей черниговских, происходящий от потомка Рюрика в XIII колене, князя Адриана Мстиславича Звенигородского (умер в 1339 г.). Его потомки сохранили уделы до половины XV в. Род князей Звенигородских разделился на ветви: Шистовых, Звенцовых, Ноздреватых, Рюминых, Барашевых, Спячих и Токмаковых. Все эти ветви, кроме Спячих, давно угасли. Спячие-Звенигородские с XVII в. именовались просто Звенигородские. Князь Семен Юрьевич Звенигородский был окольным (1689). (19)

1592 г.

Воеводы - Бутурлин Иван Михайлович, Артемий Колтовский. (32, с. 459).

Колтовские - русские дворянские роды. Один из них происходит, по преданию, от касожского князя Редеги. Михайло Иванович Глебов, боярин рязанс-

кий, пожалован был в кормленье волостью Колтовской (Каширского уезда) и стал писаться Колтовский. Его правнучка Анна была женой Иоанна Грозного. Многие Колтовские в XVI и XVII веках служили воеводами. (19).

Голова - Афанасий Зиновьев. (32, с.459).

Зиновьевы - русские дворянские роды. Литовский дворянин Александр Зенович, потомок Деспотов-Зеновичей, выехал в 1392 г. из Литвы в Москву. Многие из его потомков были стольниками, стряпчими, воеводами. Степан Степанович Зиновьев (умер в 1764 г.) был при Екатерине II посланником в Испании. Николай Иванович Зиновьев (1706 - 1773) был генерал-полицеймейстером в Санкт-Петербурге, а затем сенатором. (19).

Голова - Чулков Федор(32, с.459).

Чулковы - Существует несколько дворянских родов этого имени. Первый принадлежит к числу родов, происшедших от германского выходца Радши (XII век), и считает своим родоначальником, в XI колене от Радши, Андрея Васильевича Чулкова, один из внуков которого, Дмитрий Иванович, был убит при взятии Казани (1552). Другой род Ч. выводит себя от выехавшего из Литвы к великому князю Василию Дмитриевичу и потом перешедшего на службу великого князя Олега Рязанского Семена Федоровича Ковылы-Кислого, праправнук которого, Григорий Иванович, получил прозвище Чулок, а от него и сын Григория Ивановича - Данило, письменный голова сибирских воевод, основатель Тобольска и первый его воевода (1590), стал именоваться Чулковым. Клементий Матвеевич Чулков (умер до 1725 г.) был стольником и начальником тульского оружейного завода при Петре I. (19).

1593 г.

Воевода - Бутурлин Иван Михайлович. Голова - Чулков Федор. (32, с.471).

1594 г.

Воевода - Бутурлин Иван Михайлович.

Голова - Чулков Федор. (32, с.475).

1595 г.

Воевода - Полев Иван Осипович (32, с.475) - (умер в 1605 г.), князь из династии Рюриковичей (21-е колено) - государственный деятель. Государеву службу начал в 1586 воеводой в Пронске, в сторожевом полку в Михайлове, в Рязске. До 1596 исполнял обязанности воеводы крепости Ливны. Распоряжением царя Фёдора Ивановича был направлен в Курск, где он исполнял обязанности первого Курского воеводы в 1596 - 1597. И. Полев вместе с курским головой Нелюбом Огарёвым и подъячим Яковом Окатьевым были первыми руководителями строительства деревянной Курской крепости и современного Курска. С 1598 - рязанский воевода, в 1600 - второй полковой воевода в сторожевом полку в Орле, затем - третий воевода во Пскове. В 1603/1604 был послан воеводой передового полка ставить города на Тереке. В 1605 на русский гарнизон было совершено предательское нападение, и в ожесточённом бою И. Полев и многие другие русские воины погибли. Род Полевых пресекся в 1707 г. (19).

Голова - Степан Колтовский. (32, с.475).

1596 г.

Воевода - князь Ромодановский Григорий Петрович (умер в 1628 г.) (32, с.496).

Ромодановские - княжеский род, происходивший от князей Стародубских. Потомок Рюрика в XVI колене, кн. Василий Фёдорович Стародубский-Ромодановский, живший во 2-й половине XV века, был родоначальником князей Ромодановских. Его старший сын, князь Василий (умер в 1512 г.), был окольным, а второй, князь Иван, прозванный Телеляш (умер в 1520 г.) - боярином. Князь Антон Михайлович Ромодановский был в 1562 году послан в Копенгаген. Князь Иван Петрович (умер в 1607 г.) был послом в Персии и, возвращаясь оттуда, убит калмыками в Астрахани. Род князей Ромодановских пресекся в 1730 году. (19).

Воевода - Жировой - Засекин Иван. (32, с.496).

Жировые-Засекины - русский княжеский род. Отрасль князей Ярославских. Потомок Рюрика в 19-м

колене, князь Иван Иванович Меньшой Засекин, по прозвищу Жировой, был родоначальником этого рода. Род князей Жировых-Засекиных пресекся во 2 половине XVIII века. (19).

1597 г.

Воевода - князь Елецкий Андрей Васильевич. (32, с. 509).

Елецкие, князья, Рюриковичи, ведут свой род от святого Михаила Всеволодовича, князя черниговского. Правнук его, князь Федор Иванович Елецкий, участвовал в Куликовской битве. Елецкий Андрей Васильевич - князь, сын боярский и голова, затем дворянин московский и воевода Елецкий, младший из 3 сыновей князя В. И. Елецкого. В 1576 - голова в полку левой руки во время похода русской рати из Карелии в Ливонию. В 1591 был послан воеводой «идти города ставить вверх Иртыша, на Тару-реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтобы пашню завести, и Кучума-царя истеснить...» Елецкий получил под свою команду более 1500 чел. Для решительного наступления против сибирского хана в его рать входили, кроме русских - стрельцов и казаков, пленные литовцы, поволжские татары и башкиры, 500 покорённых сибирских татар. Причём 300 из них были поставлены под команду татарских же воевод. Зимой 1594/95, закончив постройку крепости Тары, Елецкий трижды посылал на юго-восток смешанные русско-татарские отряды Г. Ясыря и В. Доможирова на поиски Кучума, но хан был неуловим, и Елецкий вернулся в Москву. В 1599 вновь служил воеводой в Ливнах. Оставил 2 сыновей: Семёна и Федора..(19).

Воевода - князь Путятин Михаил. (32, с. 509).

Путятины - княжеский род, отрасль князей Друцких. Предок их, князь Иван Семенович Друцкой, прозванный Путята, в 1422 году подписал трактат Литвы с меченосцами. Он был сторонником Свидригайла. Его сын, князь Дмитрий (умер в 1505 г.), был воеводой киевским; от другого сына его, Ивана, происходит ветвь, поселившаяся в Новгородской области. Князь Петр Никитич Путятин и племянник его князь Семен Иванович были взяты в плен литовцами под Оршей (1514). Князь Григорий Васильевич был воеводой,

наместником и послом в Польше (1570), князь Григорий Давыдович - воеводой в Нарве и Орешке (1566 - 74), князь Иван Семенович - воеводой в Уржуме (1614). Князь Аврам Артемьевич (умер в 1769 г.) был оренбургским губернатором и сенатором. Князь Павел Арсеньевич (родился в 1837 г.) - известный археолог и антрополог. (19).

1598 г.

Воеводы - князь Елецкий Андрей Васильевич, князь Путятин Михаил. (32, с. 518).

1599 г.

Воеводы - князь Елецкий Андрей Васильевич, князь Путятин Михаил. (19).

Савосичев и другие о древности Ливен, или почему, по их мнению, нельзя признать существование Ливен в 12-м веке

Ярым противником признания факта существования Ливен в 12-ом веке в наших краях является орловский исследователь Савосичев А.Ю. Суть его основных аргументов такова:

1. Родословная Рязанских князей (РРК), которую видели Зверев и Пясецкий, утеряна, и поэтому ее нельзя принимать во внимание при определении древности Ливен. Ливна, которая упоминается в родословной Рязанских князей, скорее всего расположена в другом месте, а не в районе нынешних Ливен, и никакого отношения к ним не имеет, и поэтому тоже упомянутую родословную Рязанских князей, которую видели Зверев и Пясецкий своими глазами, нельзя принимать во внимание при определении древности Ливен.

2. Упоминание в Пискаревском летописце Ливен является плодом некомпетентности тех, кто его писал, и поэтому эту запись нельзя принимать во внимание при определении древности Ливен.

3. Летописное упоминание об Ахматовых слободах,

существовавших в Курском княжестве в 13-м веке, никакого отношения к Ливенскому княжеству и Ливнам не имеют.

4. Раскопанное близ Ливен городище Ключевка нельзя считать городом, т.к. оно не подходит по размерам под это определение по классификации Кузы.

Эти свои возражения Савосичев резюмирует так: «Если сформулировать общий вывод, то можно с полной уверенностью заявить, что на сегодняшний день в научном обороте нет источников, по крайней мере, письменных, которые позволяли бы утверждать, что в домонгольский период существовал город с названием Ливны, располагавшийся на месте современного». (5, с. 26).

Обратим внимание на последние, слова этой фразы - «нет источников, по крайней мере, письменных, которые позволяли бы утверждать, что в домонгольский период существовал город с названием Ливны, располагавшийся на месте современного».

По поводу этого посыла можно сказать следующее. Автор не утверждает, что в домонгольский период не существовал город с названием Ливны, где-нибудь рядом с теперешними Ливнами. Скажем, он мог находиться на месте городища Ключевка. А о том, что на месте современного города Ливны в домонгольский период никакого города не было, с этим никто и не спорит. Автор не утверждает также, что в домонгольский период не существовал город с названием Ливны вообще в пределах нынешнего Ливенского района.

Ответ на первое возражение Савосичева по сути дан уже в предыдущих рассуждениях. Однако напомним кратко их. Савосичев поначалу не считал возможным опираться на данные РРК упомянутых выше по той причине, что они утрачены. Однако позднее он, видимо, понял, что такая позиция не имеет под собой достаточных оснований. Ведь упоминание конкретного листа книги, в которой эту запись видели, говорит о том, что книга эта существовала, хотя потом и была утрачена, и её видел своими глазами, по крайней мере, Зверев, авторитетнейший историк. Поэтому нет причин не верить информации

Пясецкого и Зверева.

Признав существование зверевского варианта РРК, Савосичев «добросовестно» продолжал искать ее изъяны и сделал вывод, «что данные РРК, сами по себе, без подкрепления сведениями из других источников, не могут служить доказательством существования города Ливны в 12-м веке». (5, с. 24).

По этому поводу можно сказать, что такие «другие источники», подтверждающие существование города Ливны в 12-м веке, имеются. Это упоминания города Ливны в Пискаревском летописце, упоминание Ливенского княжества в связи с событиями вокруг Ахматовых слобод и, наконец, раскопки в урочище Ключовка.

Однако ни одно из этих подтверждений существования Ливен в 12-м веке Савосичев не считает достоверным, и отрицает возможность их использования для обоснования существования города Ливны в 12-м веке. В том числе это относится к Пискаревскому летописцу (ПЛ). Вообще создается впечатление, что все сведения, каким-либо образом свидетельствующие о существовании древнего города Ливна, не вписываются в канву логических построений Савосичева о древности Ливен. Эти сведения Савосичев объявляет либо искаженными невежественными переписчиками, либо считает их несуществующими вообще.

Ярким примером такого отношения к историческим документам представляет статья Савосичева «Пискаревский летописец как источник по истории древних Ливен». Считаю уместным привести ее здесь полностью с моими комментариями к ключевым положениям работы Савосичева. Вот эта статья со всеми выходящими данными.

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА КАЛУЖСКОЙ
ОБЛАСТИ
КАЛУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КРАЕ-
ВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ
ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы IX конференции 21 – 23 марта 2001 г.

I часть

«Пол и граф - Информ», г. Калуга, 2001 г.
(Страницы 155 - 159).

А. Ю. Савосичев, к.и.н.,

Орловский государственный университет

Пискаревский летописец как источник по истории древних Ливен.

Впервые внимание автора к Пискаревскому летописцу, как документу, могущему содержать информацию о древних Ливнах, привлек В.М. Неделин. В научный оборот эти данные летописца ввела С.Д. Краснощекова, заключая, что летописец содержит текст царского указа, который «конкретно утверждает существование Ливен в XII в.»¹ Однако с сожалением приходится констатировать, что при работе с Пискаревским летописцем ею был пропущен весьма существенный элемент методологии исторического исследования - научная критика источника.

Первичный источниковедческий разбор Пискаревского летописца был произведен М.Н. Тихомировым и О.А. Яковлевой. Определено время составления источника - вскоре после 1615 г., произведено членение его на отдельные текстологические блоки, примерно очерчен круг источников, использованных автором летописца. Установлено, что многие известия за XVI - начало XVII вв. являются пересказом неизвестных источников, а также устных преданий, слухов, рассказов современников. Часть наиболее поздних записей была сделана, вероятно, по личным наблюдениям составителя летописца или, часто, по позднейшим припоминаниям таких наблюдений².

Какие из накопленных данных следуют выводы? В первых. Поздний характер летописца исключает возможность того, что его составитель мог делать какие-то личные наблюдения над событиями домонгольской эпохи. (А кто же вообще из русских летописцев «мог делать какие-то личные наблюдения над со-

¹ Краснощекова С. Д. Городище Ключевка - древние Ливны // На берегах Быстрой Сосны. Ливны, 2000. № 5. С. 81.

² ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 4 С. 155

бытиями домонгольской эпохи», помятуя, что «..официальное летописание на Руси началось в XV веке». (10, с. 6)?). Следовательно, необходимо решить вопрос об источниках которыми пользовался автор летописца и их достоверности. Во-вторых. Сложный, компилятивный состав документа требует отдельного анализа для каждого сообщения летописца, Попытаемся провести такой анализ.

«Того же году великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси великим хотением и желанием распространяет Рускую землю, аки древний сродник его великий князь Владимир, крестившу Рускую землю святым крещением приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичу Годуну и дьяку ближнему своему Андрею Щелкалову города ставить на поле и в Сивере, и к Астрахани, которая за много лет запустеша от безбожных агарян и от междуусобные брани; елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белго-рия, Самара, Кромы, Манастырев и инья многий польския и сиверския»³. Имеем ли мы дело с пересказом⁴ подлинного царского указа, как полагает С.Д. Краснощекова, или перед нами изложение устных преданий, слухов, рассказов современников, припоминание личных впечатлений летописца. Тщательное рассмотрение текста документа заставляет усомниться в верности мнения С.Д. Краснощековой.

(Позволительно будет спросить автора, а сохранился ли указ царя от 1586 года о строительстве Ливен? Нет! Никто его не видел. А пользуются для обоснования даты основания Ливен записями в Разрядных книгах. Автор считает допустимым пользоваться изложением указа в Разрядной книге, но не допускает использование изложения царского указа в Пискаревском летописце. Странная логика).

Формула «того же году» легко расширяется.

³Так изложено интересующее нас сообщение в тексте Пискаревского летописца.

⁴Предположение о том, что перед нами цитата подлинного указа следует отбросить сразу. Язык летописца не соответствует языку официальных документов.

Сообщение о строительстве крепостей на южной границе включено в состав летописного рассказа с общим заголовком «О мятеже на Москве», Повествование о событиях боярской смуты в столице начинается фразой – «того же году 92-го». Далее следуют сообщение о начале строительства стен Белого города в Москве и интересующий нас текст, начинающийся фразой «того же году», 7092 год от сотворения мира соответствует 1583/84 г, от рождества Христова. Так как Федор Иванович взшел на престол в 1584 г., то указ о строительстве крепостей на южной границе России следует датировать этим же годом. Тут и начинаются сомнения. Койса была построена в 1594 г.⁵, Оскол - в 1586 г., Валуйки - 1599 г., Белгород - 1598 г., Самара - 1586 г., Кромь - 1592 г.⁶ Получается, что приказ был отдан в 1584 г., а выполнен минимум через 2 - максимум через 15 лет. (Удивительное суждение, оторванное от реальной действительности. Где это было видано, что бы все Указы, приказы, даже верховной власти в России, особенно связанные со строительством крупных объектов, выполнялись день в день? Никогда этого не было и не будет. Такова реальность.).

Это тем более странно, что внешнеполитическая ситуация, потребовавшая строительства Койсы – крепости в Дагестане в предгорьях Кавказа – сложилась только к началу 90-х гг. XVI в. В 1584 г. предвидеть эту сложную военную операцию было никак нельзя.³

Далее. Источниками зафиксировано, что в домонгольский период были города (или поселения иного типа) на месте (или в непосредственной близости от) Белгорода⁷, Кром⁸ и Монастырева⁹. Данных о существовании в XII - XIII вв. Койсы, Оскола, Валуек и Самары автору этих строк найти не удалось.

(Если автору это не удалось сделать, то это еще

⁵Зимин А.А. В канун грозных потрясений, М. 1986, с.187.

⁶Белгородская черта // Большая Сов. энциклопедия. М.1962, т2, с.215, с 156.

⁷Большая Советская энциклопедия. М., 1970. Т. 3. С. 102.

⁸Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 46.

⁹ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стлб. 302. Монастырей это летописный

не значит, что эти города в домонгольский период не существовали. Как раз в Самаре идут работы по установлению даты ее основания в домонгольский период. Не исключено, что отсутствие упоминаний о других городах объясняется тем, что этим вопросом пока никто конкретно не занимался).

Койсы и Самары в этот период существовать просто не могло. Ни на Северный Кавказ, ни на Среднюю Волгу пределы русских государств данного периода не распространялись.

Вывод. Сообщение Пискаревского летописца о строительстве крепостей недокументально. Летописец не имел в распоряжении подлинного царского указа и маловероятно, чтобы у него вообще были под рукой какие-то документы. На наш взгляд, автор пользовался либо личными воспоминаниями, либо рассказами современников описываемых событий.

(Позволительно будет спросить, а есть ли в наличии подлинные документы об основании других древнерусских городов? Того же Ельца, Казани, Ливен в 1586 году и т.д. И вообще, какие документы автор ищет в летописях? Ведь о той же «Повести временных лет» Платонов С.Ф. говорит, что она есть «компиляция, составленная из компиляций» (28, с.49). А Н.М. Карамзин говорил, что «Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда неверного в подробностях?» (20, с. 71). Но ведь этой летописи верить, а вот Пискаревскому летописцу верить нельзя, особенно в той части, которая касается Ливен. Странная позиция, если не сказать, предвзятая).

Боярская смута в Москве произошла в первые месяцы царствования Федора Ивановича¹⁰. Они датированы в Пискаревском летописце точно, ибо имеют жесткую хронологическую привязку - смерть Ивана Грозного. Уход из жизни государя, правившего Россией более полувека, был для современников значительным со-

¹⁰Зимин А.А. Указ. соч. С. 110-117. С.157.

бытием, твердо запечатлевшимся в памяти.

Первые укрепления Белого города были возведены к маю 1585 г. Возможно, указ о начале их строительства был действительно издан в 1584 г. Эта дата обязана своей точностью опять же смерти Ивана Грозного. Следующее сообщение о крепостях служит логическим продолжением повествования о градостроительной деятельности царя. Цель летописца понятна — возвеличить монарха. Именно этой задаче служит сравнение Федора Ивановича с Владимиром Святым и не случайно автор сообщает, что новый город в Москве назван «Царьград». Именно поэтому составитель Пискаревского летописца и помещает сведения о сооружении всех пограничных крепостей («и инья многия польския и сиверския») под одним годом. Точных дат основания южных городов автор, скорее всего, не знал, хотя бы потому, что ему они были просто не интересны, ибо не нужны для целей повествования. Нужно ли было автору производить тщательные изыскания в древних манускриптах, чтобы установить факты существования около четырех веков назад поселений на месте вновь основанных городов? Вряд ли. Вчитаемся еще раз в строки летописи. Толкование их не столь однозначно как представляется С.Д. Краснощековой. Фраза «за много лет запустеша от безбожных агарян и от междуусобные брани», судя по синтаксической конструкции предложения, может относиться как к городам, так и к области «на поле и в Сивере, и к Астрахани». Логика летописи убеждает в том, что более вероятно второе. О разорении южных областей государства автор вполне мог знать. Это факт лежащий на поверхности. Узнать, что Белгород, Кромы, Монастырев существовали несколько сот лет назад, были разорены и теперь восстановлены, можно было только после тщательных изысканий в архивах.

(А вот здесь автор, будучи до мозга костей бумажным червем, попадает в ловушку своей приверженности к бумагокопанию, за которым он не видит реальной жизни. А реальность состоит в том, что в 17-м веке не надо было копаться в архивах, чтобы доказать, что существовали в 12-м веке, скажем,

Ливны. Ведь разрушенный древний город на р. Ливенке видели ливенцы до начала 20-го века своими глазами. А.Артемов в своей книге «Город Ливны и Ливенский уезд Орловской губернии» (С.-Петербург, 1860 г.) пишет: «По дороге к Ефремов, в пяти верстах от Ливен, ниже соединения Лесной и Полевой Ливенок, на берегах видны остатки старинных укреплений». (4, с.10). Наверняка видели эти останки древнего города, и даже еще в более сохранившемся виде, и те ратники, которых с 1571 года начали регулярно направляться по указу Москвы на сторожевую службу на Сосну усть Ливен.

Старший научный сотрудник Ливенского краеведческого музея О.Л. Якубсон проводил опрос местных жителей по поводу Ключевского городища. Он заявляет по итогам опроса, что «По рассказу местных старожилов, тогда еще Ямской слободы, овраги идущие справа вдоль дороги от города в сторону Ямского леса имели следующие названия: Первое Мостовище, Второе Мостовище и Городище!!! Именно в этом месте располагался курган. Это лишний раз подтверждает, что в памяти людей могут храниться сведения о событиях, со дня которых проходит не одна сотня лет, подчас и тысячелетия, о которых молчат летописи». (5, с.60). Правда, здесь он немного ошибается. Не тысячелетия, а менее одного столетия прошло с тех пор, как останки древнего города на слиянии Ливенок исчезли с лица земли).

Возможно, дело обстоит еще проще и фраза «за много лет запустеша от безбожных агарян и от междуусобные брани» не что иное как литературный оборот, проявление средневекового традиционализма, когда всякое значительное преобразование представляется не как реформа, новшество, а как восстановление традиций старины, в данном случае славных времен Владимира Святого.

Подведем итог. Сведения Пискаревского летописца не содержат никакого «указа 1584 г.» и не могут, на наш взгляд, конкретно утверждать существование Ливен в XII в.

(Ну что ж, с этим итогом можно согласиться. Конкретно сведения Пискаревского летописца не ут-

верждают о существовании Ливен в XII в., но косвенно они свидетельствуют о существовании Ливен в XII в. А совместно с данными раскопок на Ключевском городище, позволяють с уверенностью утверждать, что древний город Ливна существовал в 12-м веке на слиянии рек Ливна Полевая и Ливна Лесная).

Если отвлечься от данных источниковедческого анализа и предположить, что московский книжник действительно располагал уникальными данными о существовании «елецких князей вотчины Ливны» до 1586 г.? Почему непременно именно XII - XIII вв. должны быть временем существования «вотчин»? Никаких убедительных доказательств этого тезиса мы у С.Д. Краснощековой не нашли.

Никоновская летопись донесла до нас сведения о князе Андрее Ростиславиче – дяде тех Глебовичей, которые, согласно Родословию Рязанских князей сидели «на Ливне». В 1147 г, он «... припас из Рязани с Ельца князь Андрей Ростиславичь к Давидовичам в Чернигов»¹¹ Данная летопись – памятник опять же поздний - XVI в.

В древнейших сводах такого сообщения нет. Избыточная информация Никоновской летописи представляет собой источниковедческую проблему, которая до сих пор не решена. Вне зависимости, от того, можем ли мы доверять приведенному сообщению или нет, оно не доказывает существования Ливен в XII в. Город Ливны Никоновской летописью не упоминается. Не упоминаются более и князья домонгольского времени, сидевшие в Ельце. Не было там удела рязанских князей и после 1237 г. Елецкие князья вновь появляются на исторической арене только в XIV в.¹² «А князь Иван княж Титов сын Семеновича Карачевского. А у князя Ивана сын князь Федор Елетцкой, под тем Темир Аксак Елец взял», – читаем мы в Румянцевской редакции родословных книг¹³. В источ-

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 173. С.158

¹² Тропин Н.А. Письменные источники и отечественная историография о Елецкой земле XII - XVI в. // Елец и его окрестности. Тезисы научной конференции. Елец, 1991. С. 28

¹³ Новые родословные книги XVI в. // Редкие источники по истории России. М, 1977. Вып. 2. с.167.

никах кн. Федор упоминается дважды под 1380 и 1395 гг.¹⁴ Кого составитель Пискаревского летописца имел в виду под «елецкими князьями»? Андрея Ростиславича или потомков Федора Ивановича? Более вероятно, на наш взгляд второе. Автор, еще раз подчеркнем, не производил глубоких архивных изысканий для написания статьи о южных крепостях, а пользовался, скорее всего, устными источниками и личными впечатлениями. Более логичным в такой ситуации было вспомнить кн. Елецких, потомков Федора Ивановича, своих современников. Ливны были построены на территории, когда-то входившей в состав владений кн. Елецких и, видимо, в этом смысле были названы их «вотчиной». (Скорее всего, Савосичев здесь ошибается. Да, Елецкое княжество в 12-м – 13-м веке не существовало. Но когда оно появилось в 14-м веке, то Елецкие князья простерли свои владения на Западе до реки Ливны, на котором стоял разрушенный древний город Ливна. О нем знали и его (в разрушенном виде) включили Елецкие князья в свою вотчину. В этом смысле и упоминается «елецких князей вотчина Ливна» в Пискаревском летописце). А может быть, права первооткрывательница Пискаревского летописца О.А. Яковлева? Она разбивала фразу «елецких князей вотчина Ливна» на две части, ставя запятую после слова «вотчина». Получалось, что в правление Федора Ивановича были построены отдельно город Ливны и отдельно город «елецких князей вотчина», т.е. собственно Елец¹⁵.

(А вот с этим утверждением в корне не согласен д.и.н., профессор Солодкин Я.Г. Вот что он думает по этому поводу: «По допущению А. Ю. Савосичева, автор летописца (Пискаревского – Ю.Б.), не знавший точных дат строительства или возрождения южнорусских крепостей, сообщивший об их появлении, следуя

¹⁴ Шеков А.В. Верховские княжества XIII - середина XVI вв. Тула, 1993. С. 94.

¹⁵ Яковлева О.А. Пискаревский летописец //Материалы по истории СССР, М, 1955. Т. 2. С. 165. (с. 159).

личным воспоминаниям и рассказам современников, различал, а не отождествлял вотчину Елецких князей и город, выросший в начале «державства» «святоцаря» Федора на Быстрой Сосне, т. е. публикаторам ПЛ следовало перед упоминанием Ливен поставить запятую, такой взгляд не представляется нам оправданным...» (5, с.44).)

Вывод, на наш взгляд, очевиден. Данных Пискаревского летописца совершенно недостаточно для заключения о существовании города Ливен в домонгольский период.

(Еще раз согласимся с автором, данных ПЛ недостаточно. Однако эти данные говорят в пользу существования Ливен в домонгольский период, а в совокупности с другими данными и результатами раскопок они позволяют с уверенностью утверждать, что древний город Ливна в 12-м веке существовал на слиянии Ливенок, там, где сейчас находится Ключевское городище).

Заключение

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Название города Ливны в древности произносилось как Ливна и было таким же, как название реки, на которой он стоял. Только с 1594 года город начал устойчиво именоваться городом Ливны.

2. Топоним Ливна происходит либо от старославянского слова лива – река, либо этот топоним перенесен в наши края переселенцами из Палестины, где город Ливна существовал еще до нашей эры, о чем свидетельствуют тексты Ветхого Завета, а поселок Ливна по сей день существует вблизи Иерусалима в Иудейских горах.

3. Город Ливна существовал еще в 12-ом веке на месте Ключевского городища, о чем свидетельствуют археологические раскопки, а так же упоминание о

Ливне в «Пискаревском летописце» и родословной Рязанских, Муромских и Пронских князей.

4. Годом основания города Ливна, предшественника настоящих Ливен, можно с большой долей достоверности считать 1186 год. Этот город был разрушен и почти 400 лет на его пепелище никто не жил.

5. Крепость Ливны была основана по царскому указу не позднее ноября 1585 года, а не в 1586 году, как сейчас считается, при впадении реки Ливны в Быструю Сосну.

6. Как видно из рассмотрения основных аргументов А.Ю. Савосичева, принижающих информативность ПЛ для установления древности Ливен, они (аргументы) в большинстве своем носят надуманный характер и свидетельствуют об извне данной ему (Савосичеву) установке на подтверждение любыми способами недоказанности существования Ливен в 12-м веке. Большинство исследователей, к которым принадлежат ученые, изучающие историю Ливенского края и сопредельных с ним земель, а к ним можно отнести докторов исторических наук Тропина Н.А. и Солодкина Я.Г. считают Пискаревский летописец важным и достоверным документом для изучения истории Ливенского края и сопредельных с ним земель.

7. Считать или не считать 12-й век временем основания Ливен, зависит только от воли и патристического настроения местных властей. Ибо не существует никакого утвержденного государством документа, который бы описывал порядок установления даты основания того или иного города. Существует лишь практика определения этой даты для того или иного древнерусского города. А практика эта позволяет считать датой основания г. Ливен 12-й век, сейчас для этого имеется достаточно достоверных данных.

8. Можно разделить понятия Ливен старых и Ливен новых и считать годом основания древнего города Ливна, давшего имя нынешнему городу Ливны, 1186 год, а годом основания настоящих Ливен: как населенного пункта – 1575 г., а как города – 1585 г.

Литература

1. Агошков В. «Что означает название Ливны». Газета «Ливенская газета» от 09.12.2003 г.
2. «Акты Московского государства», Т.1., СПб., 1890 г.
3. «Акты Московского государства», Т.3., СПб., 1890 г.
4. Альманах «На берегах Быстрой Сосны» №16, г.Ливны, 2003 г.
5. Альманах «На берегах Быстрой Сосны» №22, г.Ливны, 2007 г.
6. ВСЭ, Т. 6, М., 1971 г.
7. ВСЭ, Т. 17, М., 1974 г.
8. Бочаров Л.И., Ефимов Н.Н., Чачух И.М., Чернышев И.Ю. «Заговор против русской истории», Москва, 2001 г.
9. Булатников О.Н. «О чём рассказали раскопки». Альманах «На берегах Быстрой Сосны» №5, г.Ливны, 2000 г.
10. Валянский С., Калужный Д. «Другая история Руси». Москва, 2001 г.
11. Водарский Я.Е. «Проблемы сущности, времени и места основания городов и возникновения города Липецка». В книге «Липецк: начало истории», г. Липецк, 1996 г.
12. В. Горлов, А. Новосельцев. «Елец веками строился», 1993 г.
13. Гумилев Л. «От Руси до России», М., 2006 г.
14. Даркевич В. П. «Происхождение и развитие городов древней Руси (X-XIII вв.)», «Вопросы истории». 1994. №10.
15. Демин В.Д. «Тайны русского народа». Москва, 1997 г.
16. Загоровский В.П. «Белгородская черта», Воронеж, 1969 г.
17. Загоровский В.П., «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в 16-м веке», г. Воронеж, 1991 г.
18. Загоровский В.П. «О древнем Воронеже и слове Воронеж», Воронеж, 1977 г.

19. Интернет
20. Карамзин Н.М. «История государства Российского», г. Тула, 1990 г., Т1-3,
21. Ковалев Ф.В. «На берегах Сосны и Ливны». Альманах «Наше наследие» №3, г.Ливны, 1999 г.
22. Костомаров Н.И., «Русская история», Кн.1, М., 1990 г.
23. Краснощекова С.Д. «Городище Ключевка – древние Ливны». Альманах «На берегах Быстрой Сосны» №5, г.Ливны, 2000 г.
24. Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. «Краеведческие записки. Археология Орловской области». Орел, 2006 г.
25. Макаренко В. «Откуда пошла Русь» М., 2004 г.
26. Малый энциклопедический словарь., Т.1. Изд. 2-е. Издание Брокгауз и Ефрон. С.- Петербург., 1907 г., М., 1997г.
27. Неделин В.М. «Ливны в 16 – начале 20 века. Архитектура и градостроительство». Архитектурное наследство № 48., М., 2007 г.
28. Платонов С.Ф. «Полный курс лекций по русской истории», г.Петрозаводск, 1996 г.
29. «Полный церковно-славянский словарь», М., 1998 г.
30. Пясецкий Г. «Забывтая история Орла», Орел, 1993
31. Пясецкий Г.М. «Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении», г.Орел, 1999 г.
32. «Разрядная книга. 1475 – 1598 г.г.» М., 1966 г.
33. Соловьев С.М. «История России с Древнейших времен». кн.2, М., 1960
34. Тихомиров Д.П. «Исторические исследования о генеалогии князей: Рязанских, Муромских и Пронских.» М., 1844 г.
35. Тропин Н.А. «Елецкая земля в 12 – 15 вв.», г. Елец, 1999 г.
36. Энциклопедия. «Города России». Москва, 1998 г.